

Шмигалеv Николай

ЮННАТ и ДРЕВО МИРА

Николай Шмигалев

Юннат и Древо Мира

«ЛитРес: Самиздат»

2014

Шмигалев Н. Н.

Юннат и Древо Мира / Н. Н. Шмигалев — «ЛитРес: Самиздат», 2014

Типичный «ботаник» Витя Зяблик – застенчивый, робкий, интеллигентный подросток астенического типа, ученик восьмого класса, он же «очкарик», он же «зубрилка». Ко всему прочему Витя, решив однажды, что «общение» с растениями приносит меньше разочарований и нервотрепок, уже несколько лет ходит в кружок юных натуралистов организованный в Ботаническом саду их провинциального городка, ухаживая за экзотической и «родимой» флорой. Жизнь его течёт спокойной серой чередой дней, с редкими всплесками неприятных моментов: то в школе оскорбят, то «хулиганы» обидят. В общем, ничем не примечательный человек, как говорится «не герой романа». Но, тем не менее, именно ему выпадает жребий стать героем произведения, ибо, как сказала одна из главных героинь повести: «Героями рождаются все, но не всем выпадает случай проявить себя»...

ЮННАТ И ДРЕВО МИРА

Тихий свежий вечер накрыл засыпающий город стёганным дырявым одеялом серых туч, сквозь редкие прорехи в которых виднелись болезненно-бледные после долгой зимы звёзды. Проныра-ветерок тщетно пытался поиграть с ещё голыми ветвями едва отошедших после спячки деревьев. С безлиственными ветвями особо не побалуешься, а почки ещё только-только набухают. Забияка-ветер недовольно всколыхнул кучку мусора, забытого дворником на тротуаре сквера, и умчался шкодить к растянутым у дороги рекламным плакатам. Витя Зяблик дальнейший путь продолжил в одиночестве.

– Эй, пацан, сигареткой не угостишь?! – резкий девичий голос, резанув ухо, отвлек Витю от философского созерцания оживавшей природы. Такой чудесный вечер в одно мгновение потерял свое неброское очарование.

Остановившись и осмотревшись по сторонам, Витя увидел компанию ребят, немногим старше его, сидевших на скамейке, перенесённой ими с тротуара под раскидистый куст густого, но, как и другие растения, ещё голого шиповника. Гитара, джин-тоник для «прекрасных дам», пиво пенное для «кавалеров», чипсы и семечки – стандартный «релакс-набор» молодёжи городских окраин, оттягивавшейся после «тяжёлого учебного дня». Молодёжь, устроившаяся на скамье и вокруг, была как на подбор: либо бритая под ноль, либо патлато-косматая. Ребятческую компанию разбавляла только одна «роза среди камней», та самая девица, которая и окликнула незадачливого прохожего – как пелось в одной песенке – так на них не похожего.

Рассмотрев «группу отдыхающих», Витя ещё сильнее ссутулился, втянул голову в плечи и зябко поёжился. Это был выработанный годами условный рефлекс, почти как у тех самых «собак Павлова». Хотя, может и наоборот, не рефлекс, а предчувствие: перед тем как с ним должно было произойти что-то нехорошее, Витю всегда пробирал озноб.

К своему сильному сожалению, Витя также успел отметить, что в вечернем сквере, кроме этой разгорячённой, соответственно горячительными напитками, компашки, совсем не было народа – ни собачников, ни бегунов, ни дворников.

– Ты чего, щегол, оглох?! – наглая девица, которая была, наверное, Витиной ровесницей, примостившись на коленях своего сверстника – бритоголового крепыши с большой квадратной челюстью и контрастирующим с ней узким покатым лбом – повторила свой вопрос: – Закурить есть?!

– Прошу прощения, это вы мне? – машинально поправив очки в роговой оправе, вопросом на вопрос ответил Витя.

Девица переглянулась с друзьями и захохотала, широко раззинув рот с запачканными яркой помадой губами. Этот щуплый пацан в «подстреленных» брючках и куцем пальтишке, с первого слова «проблеяв» извинения, в её глазах и глазах её товарищей сразу стал не просто жалким «очкариком», всем своим видом он показал редкий классический образец «ботаника». Такого просто грех было не пустить в оборот.

– Братишка, да ты хохмач! – прикрыв рукой рот своей подруге, обратился к Вите парнишка «квадратная челюсть».

Хоть этот «бугай» братишкой назвал, мысленно отметил Витя, тем не менее, осознавая, что этот факт никоим образом не послужит ему на пользу, если ребятки захотят обидеть.

– Нет, блин, это я у тополя спросила! – убрав ладонь ухажера, сказала девица, кивнув на дерево, около которого остановился Витя.

– Это, простите, липа! – восполнил Витя пробел девчонки в знаниях по биологии, и разозлился на себя за несдержанность: ведь знал же не понаслышке, что проявлять интеллектуальное превосходство в подобных ситуациях, чревато осложнениями для собственного здоровья.

Однако компания в этот раз ему попала весёлая.

– Липа! Гы-гы-гы! – вновь «заржала» девица.

Её от души поддержали остальные члены отдыхающей братии.

– Чумной! Терпила! – громко перешёптываясь и выдавливая гнусные смешки, веселилась молодёжь. – Липа! Хе-е! Не могу! Ботаник!!!

Витя стоял, жалко улыбаясь и не решаясь развернуться и уйти. Во-первых это было неучтиво, во-вторых... во-вторых можно было с уверенностью ожидать хорошей взбучки от этих молодчиков, да и от их не менее агрессивной подружки тоже. Он-то по себе знал, что такие нападают исключительно стаями. Хотя, положи руку на сердце, ему за глаза хватило бы и этого узколобного крепыша.

– Так как у тебя с сигаретами, брателла? – тряхнув патлами, спросил сидевший с гитарой долговязый субъект в заклёпанной «косухе».

Этому-то жизни на две затяжки осталось, а туда же, огорчённо подумал Витя, уже не в первый раз пожалев, что не держал под рукой сигареты хотя бы для таких вот «экстренных» случаев – мама, если бы нашла их у него, не приняла бы никаких объяснений.

– Простите, но курение вредно, оно пагубно влияет на здоровье, – промямлил Витя в ответ, и вновь обругал себя за занудство. Вот сейчас это уже точно было лишнее. Витя даже захотел себя шлёпнуть по губам, но сдержался, чтобы не подавать своим внезапным собеседникам дурной пример.

– Ты о чём это? – не понял патлатый.

– Ну, о том, что в табачном листе содержится огромное количество токсичных, канцерогенных и мутагенных веществ, – попытался было Витя в двух словах пояснить молодым людям в чём опасность табакокурения, но тут его от страха «понесло»: – Конечно, это зависит от многих факторов, например, чем выше ярусность выращиваемой культуры, тем большее количество алкалоидов накапливает табачный лист. Увеличению содержания опасных веществ способствуют тяжёлые по механическому составу почвы, обильное азотистое питание, высокая солнечная ингаляция и температура окружающей среды. Также, негативным является биосинтез алкалоидов в корневой системе, где происходит первичная ассимиляция табака и превращения неорганических форм азота в органические. Помимо этого в табачном листе накапливается несколько десятков тяжёлых металлов, таких как никель, кадмий, мышьяк, хром, свинец, которые вызывают, и это достоверно известно, развитие рака у людей. Они также попадают в табак из удобрений, а ещё и с дождевой водой. Так что никотин, это ещё цветочки. Хотя, и это общеизвестный факт, от всего лишь одной его капли, – Витя многозначительно посмотрел на доселе «ржавшую», а теперь озадаченно его слушавшую, девушку, – вы наверняка знаете, околеет и совершенно здоровая лошадь.

Закончив краткий курс «табаководения» Витя замолк, виновато глядя на притихшую компанию. Он всегда так глядел на своих оппонентов, будь то в школе, в быту или в кружке, когда позволял себе высказаться чуть больше чем того требовали обстоятельства, и не важно было прав он или нет.

Воцарилась вязкая, не предвещающая ничего хорошего, конкретно для «лектора», тишина.

– О! Мент родился! – хмыкнув, наконец, оборвал неловкое молчание ещё один юноша в спортивном костюме, сидевший напротив скамьи на корточках. Напомнив про «дурную» примету, парень по пролетарски глотнул пива прямо из горлышка бутылки.

– Ага! И «Минздрав» ещё тут нашёлся! – ехидно ухмыльнулся долговязый и ударил по струнам гитары.

– Ты че, поц, в натуре ботаник на всю голову или прикидываешься? – согнал деваху с колен узколобый и, встав, подошёл к Вите.

Его высокая атлетическая фигура резко контрастировала с тщедушным телосложением Вити, так некстати задержавшегося сегодня в кружке.

– Да! Я с третьего класса состою в кружке «Юный натуралист» образованном в нашем Ботаническом саду, – растерянно пролепетал Витя, подозревая, что сейчас начнут его бить, и не в последнюю очередь, за длинный язык произносивший до этого чересчур заумные фразы. – Недавно, вот, со своим руководителем закончил реферат на тему «Эколого-генетический анализ дендроклиматологии, морфогенез жизненной формы экологические основы защиты скального дуба». Буду отправлять его на региональный конкурс.

Узколобый взглянул в глаза «ботаника» и понял – этот не врёт и даже не косит под дурачка.

– Ладно! Крути педали... «Минздрав»! – мрачно хмыкнул «качок» и сплюнул под ноги. – И больше не ходи по вечерам в безлюдных местах... – парень выдержал небольшую паузу, вспоминая что-то ранее услышанное, чтобы вернуть напоследок в разговор, и вспомнив, произнёс с пренебрежением: – Младший научный ботаник, блин-клинтон.

Витя сначала не поверил ушам, а поверив, вежливо кивнул и, опрометчиво сказав «До свидания!», торопливо засеменил прочь.

– Вот же терпила! – услышал он голос одного из переговаривавшихся позади «гопников».

Витя не стал оглядываться, чтобы посмотреть, кто о нём такого мнения (а смысл?!), лишь только шибче припустил по пустынному скверу в сторону остановки.

– Зря ты его, Пача, отпустил! – донёсся до него звонкий девичий голос. – Могли бы «лошарика» на бабки развести!

– Ну! – поддержал её ещё кто-то гнусавым голосом. – Хотя бы ещё на пару «пивасиков» раскрутить!

– Фиг с ним! Пусть живет! – язвительно ответил тот самый узколобый Пача. – Он и так жизнью обиженный. По жизни «ботан», так ещё и «юннатом» в Ботаническом саду записан.

– Ну это да! – прогнусавил кто-то ему в ответ. – Точняк! Гы-ы!

Запрыгивая на ступеньку пустого троллейбуса Витя услышал дружный хохот из сквера. В который раз, безмолвно проглотив обиду и унижение, он вошёл в салон, расплатился с неприветливой кондукторшей и, сев поближе к кабине водителя, невидящим взором уставился в грязное окно. У него было время до конечной остановки, чтобы вновь предаться безрадостным думам.

Витя Зяблик был поздним и единственным ребёнком. Он рос застенчивым и робким мальчиком. Мама – заслуженный библиотекарь городской библиотеки и большой поклонник поэзии – с молодых ногтей пичкала его стихами и поэтическими сказками, не позволяя «пустой траты времени» в «бестолковых» играх со сверстниками, этими «невоспитанными хулиганами». Отец – полярник (и это, как ни странно, истинная правда!), балагур и весельчак – редко появлявшийся дома. Однажды он ушёл в очередную экспедицию и не вернулся. Вите тогда было всего пять лет, и единственное что с тех пор у него осталось из воспоминаний об отце, это его густая, как у Деда Мороза, борода. Витя любил играть отцовской окладистой бородой. Помимо этого, на память об отце их осиротевшей семье остались лишь фотографии из семейного альбома и орден – награда, вручённая отцу посмертно.

Поняв своим детским умишком, что отец больше не вернётся, Витя стал ещё более замкнутым. Мать же, окружила единственное чадо чрезмерной заботой, как пресловутую мимозу, патологически опасаясь потерять его, как однажды потеряла его отца. Стоило ему чихнуть, как мама бросалась его лечить, закармливая таблетками и обкладывая грелками. Стоило упасть на прогулке и поцарапать ладошку как дома ждала обязательная перекись водородом, «зелёнка» и «бинтик».

Когда Витя пошёл в первый класс, его мать договорилась на работе о таком графике, чтобы иметь возможность провожать сына в школу и встречать после. Она приводила Витю

домой, кормила и запирала, отправляясь на работу, не разрешая ему выходить на улицу. А в выходные мама водила его по музеям и выставкам.

Небольшой глоток пусть даже призрачной свободы, который Витя мог глотнуть в школе, омрачался «учительницей первой его». Марья Ивановна, педагог со огромным опытом, была в «сговоре» с его мамой. Она знала о проблемах их семьи, искренне сопереживала страхам матери-одиночки и по своему жалела мальчика. По просьбе мамы она не отпускала его бегать «как угорелые» на переменах, разрешала уходить с физкультуры и вообще из лучших побуждений опекала его как своего внука.

Остальные дети, по своим младым годам не понимавшие почему учительница так выделяет Витю Зяблика, ревновали и старались отыгаться на нём, в те редкие минуты, когда мальчик оставался без присмотра. Ни девочки, ни мальчики из его класса не хотели с ним играть, доставляя своему бедному однокласснику массу неприятностей. Они прятали его портфель, рвали листки из дневника, подкладывали кнопки на стул, сделав Витю главным объектом насмешек и обидных розыгрышей в классе.

Самое обидное для Вити было то, что в их классе помимо него училось очень много детей с такими же как у него «птичьими» фамилиями, на что, кстати, удивлялась вся школа: Юра Орловский, Марина Соловейчик, Женя Воробьёв, Артём Сорокин, Аня Воронец, Стас Соколов, Оля Перепелица, но единственный кому перепала обидная «птичья» кличка, был он один. Его за глаза, а иногда и в присутствии, называли «Гадким Зябликом». И со всем этим Вите, которому и так было несладко, приходилось жить.

[illegible]

Жизнь мальчика текла своей серой реченькой, неся Витю в такое же, по всей видимости, серое безрадостное будущее. С возрастом напасти с ним приключались всё реже и реже, хотя и реагировал он на них всё также – зябко ёжась, – оправдывая свою фамилию. Повзрослевшие одноклассники уже не сильно доставали его, как-никак отличник, пускай и «зубрилка», но всё-таки и «скатать» Витя даст на контрольной, и «домашка» у него всегда сделана, можно просто списать на перемене, не тратя на такие «пустяки» свободное время. Да, стоит отметить что и интересы у ребят другие появились: девчонки стали заглядываться на мальчишек, а те, в свою очередь, писать им записки. И здесь, кстати, Витя тоже им помогал. Несмотря на свою нелюбовь к поэзии, которой его с младых ногтей пичкала мама, Витя здорово рифмовал слова в стихах, которые его одноклассники потом выдавали за свои творения. Правда у самого Вити с девочками не ладилось. Уж больно стеснительный он был, как и во всем другом.

А сегодняшнее неприятное происшествие ему вновь напомнило о его незавидной доле «ботаника» и что делать Витя не знал. Наверное и впрямь надо было идти не в «юннаты», а как и другие ребята: или на бокс, или на каратэ, или, на худой конец, на футбол. Нет! Мама всё равно бы не позволила себя «гробить».

– Молодой человек, вы что уснули?! – немилосердно тряхнула за плечо Витю кондукторша. – Троллейбус идёт в парк! Это конечная!

– Извините, задумался! – зябко поёжился Витя под суровым осуждающим взглядом женщины.

Выйдя из троллейбуса Зяблик привычно ссутулился и уныло побрёл к многоэтажкам своего спального микрорайона.

Выйдя из лифта, он подошёл к своей двери и увидел воткнутой в щель между дверью и косяком конверт. Счета за коммуналку, подумал Витя, вытягивая конверт. Но, к его удивлению, это были не счета. Конверт был не подписан, однако запечатан сургучом. Витя сунул конверт в карман пальто и открыв своим ключом дверь, вошёл в квартиру.

– Витя, мыть руки и за стол! – услышал он материнский голос из кухни, оттуда же по квартире разносился запах котлет.

Повесив пальто на вешалку Витя пошёл в ванную.

Утро следующего дня было воскресным. Можно было поваляться подольше. Но Витя, наскоро попив чайку с бутербродами, отправился в Ботанический сад. Мама сегодня собирала своих подруг на, как она называла, поэтические посиделки и очень хотела чтобы Витя продекламировал перед их собранием что-нибудь из Блока. Поэтому Витя, оставив записку с извинениями, ушёл ещё до того как проснулась мама.

Весна в этом году выдалась поздняя. Деревья в Ботаническом саду ещё стояли голые, на них только-только появились первые почки. Только в оранжерее и теплицах благоухала и цвела экзотическая флора из всех уголков земного шара. Запахи источаемые тропическими и субтропическими растениями, цветами, кустарниками и цветущими декоративными плодовыми деревьями в огромном стеклянном помещении, смешивались в дурманящие ароматы, которые не мог создать ни один самый искусный парфюмер. Хотя Вите Зяблику, как единственному мальчику, в кружке доверяли уход, наблюдения и исследования деревьев средней полосы, росших на открытой территории Ботанического сада, Витя всё свободное время проводил в оранжерее.

Сегодня в оранжерее толклось множество посетителей, соскучившихся за долгую зиму и холодную весну по сочной зелени. Витя хотел побыть в одиночестве, поэтому решил погулять в дальних уголках сада, где росли могучие дубы, светлые ясени и берёзы, раскидистые грабы, изящные клёны, а у старого пруда, про который он слышал немало таинственных страшилок, стояли плакучие ивы.

Несмотря на то, что деревья ещё не нарядились в зелёные кафтаны, в овражках лежал потемневший снег, а пруд был покрыт ещё крепким ледяным панцирем, Витя чувствовал как всё вокруг оживало, незаметно наливаясь соками земли. Воздух был свеж и чист. Весенний ветер играл его полосатым шарфом.

Почувствовав, что пальцы начали замерзать Витя сунул руки в карманы и нащупал в одном из них позабытый вечером конверт. Кстати, конверт!

Достав он осмотрел конверт, обратив внимание на сургучную печать. Ан-нет, это не сургуч, а засохшая красная глина. А «штамп» на глине похож на кошачью лапку. Чья-то глупая шутка!

Зяблик разорвал сбоку конверт и достал из него листок бумаги формата А4. Лист был весь в кляксах, однако текст, написанный синими чернилами, выделялся чётким каллиграфическим почерком. Но даже это не особо удивило Витю, как то, что было написано на листе:

«Чтоб разгадать один секрет,
Покинуть должен этот свет,
Оставив здесь свои дела,
Пройдя в чём мама родила,
Сквозь три воды, в денёк весенний,
Одним апрельским воскресеньем.
Чтоб не пропало зря посланье,
Прочту до точки заклинанье.

Пусть буря мглою небо кроет,
Ненастье пусть снежком укроет,
Мои последние следы,
Что оборвутся у воды.
Куда войду я за цветочком,
Да будет так! На этом точка!»

Боже мой! Мамины подруги-поэтессы совсем с ума сбрендили, озадаченно подумал Витя, прочитав зарифмованную на листе белиберду и скомкав его бросил в урну вместе с конвертом. Это, скорее всего, доморощенная поэтесса и профессиональная кошатница, тётя Эмма с пятого этажа, не достучалась до мамы, вот и оставила свою очередную «нетленку» в дверях их квартиры. Вот, кстати, и логичное объяснение откуда на глине кошачья лапка вместо штампа. Да совсем мамини подруги в своём поэтическом мирке «засиделись». Неровен час и мама начнёт чудить вместе со своими странными подружками. Надо будет поговорить с ней, по этому поводу.

Размышляя в таком духе над прочитанным «посланием» Витя подошёл к пруду. Солнце затянуло облаками и в воздухе закружились редкие невесомые снежинки – зима всё никак не хотела расставаться с их тихим провинциальным городком.

Ух-ты! А это что такое?!

Сквозь висевшую над прудом туманную дымку Витя разглядел на льду пруда одинокое растение в горшке с густооблиственным стволом и белыми цветками, даже сквозь туман отблескивавшую на солнце яркими бликами.

«Драцена Фрагранс!» По нашему «самка дракона».

Это теплолюбивое многолетнее растение из семейства драценовых, которое в культуре цветёт очень редко. Драцена зацвела, а какой-то идиот (наверное опять шуточки маргинальной молодёжи) глупо пошутил – выкрал из оранжереи драгоценный цветок и оставил его на льду. Дебилы! Вот же придурки! Драцена ведь считается гармонизирующим и придающим жизненные силы растением. Она, несмотря на, мягко говоря, неприятный запах цветов, создаёт вокруг себя приятную атмосферу и с биоэнергетической точки зрения считается излучающей дружескую энергию. И такое растение запросто может погибнуть на холоде! Надо срочно его вернуть в теплицу!

Витя подошёл к берегу и постучал пяткой ботинка по льду. Крепкий!

Ступив на лёд он услышал как по льду прокатился характерный треск. Ерунда! Он, к счастью, лёгкий! Выдержит его ледок.

Несмотря на то, что солнце спряталось за тучами, туман над прудом густел и Витя, с трудом различая беззащитное растение, медленно пошёл по весеннему льду. Шаг за шагом он подбирался всё ближе к цветущей драцене. Осталось ещё пару осторожных шагов и можно будет дотянуться до горшка рукой. Ещё шаг. Ещё маленький шажок для маленького человека...

Внезапно лёд под его весом треснул и незадачливый спасатель с головой провалился в холодную воду. Витя не умел плавать, поэтому его, как и следовало ожидать, объял животный ужас. Вода мгновенно пропитала его одежду, обхватив его щуплое тело в смертельном ледяном объятии, но, несмотря на это, страх придал ему сил. Уже выбиваясь и из этих сил Витя всплыл на поверхность и ухватившись за кромку льда, отдышался. Прямо перед ним, в густом тумане, виновато покачивая своими листьями стояла беззащитная драцена, заманившая его на предательский лёд пруда.

Зяблик подтянулся на локтях, вытаскивая тело из воды и это ему удалось. Медленно и аккуратно он карабкался из воды на лёд. Сантиметр за сантиметром он полз вперёд. И вот когда всё его тело оказалось на льду и осталось поочередно вытащить из воды ноги, чьи-то

сильные лапы мёртвой хваткой схватили Витю за ботинки и легко стянув со льдины, потянули его на дно пруда.

Поняв, что сопротивление в общем-то бесполезно, Витя, всё ещё барахтаясь но, тем не менее, довольно стремительно погружаясь на дно, с ужасом и тоской глядел вверх на удаляющуюся от него спасительную полынью – светлое размытое пятно на тёмном фоне. Он ещё успел отметить, что пруд гораздо глубже, чем можно было себе представить, прежде чем его закрутило в бешеном водовороте, затягивающем в тёмную мглу бесконечности.

Витя уже не видел как на поверхности поднялась сильная метель, запорашивая его следы у пруда и накрывая белым саваном тёмную полынью ледяного панциря.

Хм, легко-то как на душе и голова не болит. Странное ощущение, словно плывёшь в густой серой дымке, думал Витя, какое необыкновенное для моей мнительной натуры спокойствие и умиротворение. Интересно это облака или туман над прудом, и что это за блики? «Луна как бледное пятно, сквозь тучи мрачные блестела...» или что-то ещё?

Неужели все же выплыл?! Или спасли и откачали?!

Странно тогда почему не чувствуются руки, ноги, не видно ничего кроме тумана. Или всё-таки я благополучно утонул и моя многострадальная душа, вырвавшись наружу из бранных останков, витает в том самом таинственном месте. Если этот серый скучный туман и есть тот Рай, про который так любят вспоминать мамыны подруги-поэтеэссы, то здесь весьма скучно, даже скучнее чем *там*.

Что это?!!

Острая боль пронзила Витино сознание! Видать, подумал лишнего и кому-то нечаянно занозил. Витя собрался мысленно извиниться, но было уже поздно. Его вновь завертело в воронке, словно засосало в смерч. Закружило в огромном омуте. Понесло куда-то с невероятной скоростью по мерцающему всполохам, наполненному дымкой тоннелю.

Туман вокруг стал темнеть, сгущаться, уплотняться, сдавливать его со всех сторон. Наступило странное ощущение «де жавю» и его вновь обступила спирающая дыхание темнота. Потянуло сыростью и опасностью, и ещё чем-то непонятным, но довольно вонючим.

Нет, это ещё точно не Рай, да и для пресловутого Ада слишком сыrovато, успел подумать Зяблик, прежде чем вылетел на яркий свет из вязкой мглы и с размаху окунулся во что-то чавкающее и воняющее тиной, по всей видимости болото.

Болото! Вот те раз! Вообще запутался Витя в происходящем с ним. Где я?! Так, умер я или нет, и в чём, собственно, дело?!

Странное дело. Тело всё так и ломит. А если тело болит, значит, оно есть. Хм, это бесспорный факт!

Витя поднялся и осмотрелся. В первую очередь осмотрел себя. Тэкс! Весь в тине и ряске, а так вроде больше ничего новенького. Зато из «старенького» кажись всё на месте: голова на шее, шея на плечах, дальше идёт туловище, руки, ноги там где им и положено быть. Он бы мог обрисовать себя и более детально, ибо стоял во всей своей неброской красе в том, в чём мать родила (а рождён он был, как вы поняли из последних событий у пруда, и вообще, отнюдь не в рубашке), но молодой человек удержался по вполне понятным причинам.

Итак, что мы имеем? – начал размышлять Зяблик. – Я, вполне осязаемый, относительно живой, абсолютно нагой и ничего ещё толком не понимающий, нахожусь в непонятном болоте посреди незнакомого мне лесонасаждения. Странно, почему без одежды. Куда она, включая плавки, носки и шарфик, подевалась. Просто мистика какая-то!

Также не обнаружив на носу очков, Витя пошарил в болотной жиже руками и естественно, не найдя их, понял, что из-за близорукости ягоды ему здесь лучше не попробовать.

Значит так, решил он, надо найти кого-нибудь из местных, расспросить, что это за глухомань, в какой стороне цивилизация и при случае разжиться одежкой. Недосуг воспитанному мальчику, как гвинейскому папуасу, без штанов разгуливать. Задача, на первый взгляд, простая. Ну что же, тогда за дело.

В довольно «загрязнённой» одежке первого библейского человека Витя Зяблик побрёл через болото к видневшемуся недалеко берегу.

Выбравшись на твёрдую землю, он не стал терять времени на поиски лопухов для прикрытия причинных мест (еловые же лапы не решился использовать в качестве прикрытия, тоже по вполне понятным причинам) и продолжил путь в том, в чём и был. Оно и понятно – глухомань – кого ему тут стесняться, лосей что ли?

Продолжая путь, Зяблик отметил весьма интересную для себя деталь: в этом, казалось бы, гиблом месте, совершенно не водилось никаких насекомых. Окажись он в таком виде на раскинувшихся за городом торфянных болотах в весенне-летний сезон, ненасытный гнус в союзе с прожорливым комарём его живо бы взяли на заметку и не захлебнулись кровушкой.

Да, места странные и глухие, продолжал анализировать окружающий мир Витя. Нога человека здесь возможно ещё и не ступала. А вот, кстати, и тропа. Так! Судя по многочисленным следам, тропа зверинная. Следы интересные, то ли волчьи, то ли рысьи, то ли лисьи (Витя, честно говоря, совсем не разбирался в этом), а вот что-то перепончатое прошлёпало, а это и вовсе что-то непонятное отпечатки лап здесь оставило, и расстояние между следами... Каких оно размеров?! А какие когти! Никогда таких нехороших следов Витя не видел. Следы неведомых зверей! Надо быть начеку. Хотя, что толку, с голыми руками супротив голодного хищника всё равно у него шансов немного будет.

Удвоив бдительность, Витя продолжил путь по странной глухомани.

Вскоре Зяблик вышел к небольшому ручейку. Передохнув рядом с водой и искупавшись в на удивлении тёплом ручье, он продолжил путь по неведомой стороне.

Разморённый летней жарой лес, несмотря на давно занявшую зорю, только-только начинал просыпаться – то там, то сям слышались редкие трели лесных пичуг, позёвывания, повизгивания, похрюкивания, покряхтывания и даже покашливания его жителей. Лес просто кишел неведомым и, покамест, к Витиной радости, невидимым зверьём.

Чу! Впереди показался просвет между хвойных зарослей.

Ишь ты! Цветочная поляна!

Витя потихоньку подобрался к опушке и осмотрел широкую, усыпанную яркими большими цветами поляну. Это было очень красивое место. Огромные лазоревые колокольчики, ромашки величиной с растопыренную ладонь, нежные лютики и небесные крошки незабудок, островки пахучего лабазника, наливные «гроздь» календулы, завитушки цикория и багульника, неприхотливая таволга, душистая медуница, медовая душица, зверобой, манжетка, календула, первоцвет, сныть и ещё великое множество пёстрых полевых цветов, довольно крупного размера благоухали и пестрили многокрасием. Над этим цветочным ковром плавно порхали не менее крупные и яркие бабочки, беспечно носились друг за дружкой золотистые стрекозы, жужжали, деловито собирая нектар, трудолюбивые пчёлки. В общем, такое великолепное зрелище, что просто, как говорится, пером не описать (если только в общих чертах, как вроде бы мы сейчас и попробовали).

Вот уже что-то похожее на Рай. Райский сад (ну, как минимум – палисадник) посреди дремучего леса. Заглядевшись на пёстрый ковер, Витя не сразу обратил внимание на какое-то движение справа. Кто-то или что-то (думаю, для такого странного места это уточнение будет отнюдь нелишним), похожее на шикарный бутон белоснежного бульденежа, двигалось среди высокой травы.

Решив не испытывать судьбу Зяблик углубился в лес. Выбрав подходящее раскидистое дерево в качестве наблюдательного пункта, стараясь не шуметь, он взобрался на него, дабы подробнее рассмотреть, кто это там бродит.

Ёлки-иголки! В роли «бульденежа» оказался пожилой карлик с орлиным носом. Да, точно, вылитый «карлик-нос»!

Маленький человечек был одет в белый нарядный балахон. На его седой как лушь голове покоился странный головной убор, похожий на восточную чалму, но гораздо больший в размерах. Больше этой «чалмы» у него была только борода. Представьте себе, у человечка, росточком в два вершка, была длинная, белая как снег и пушистая как кучевое облачко, борода, метров эдак десять с гаком. Без единой травинки-соринки, чистая и ухоженная, она послушно тянулась следом за пожилым карликом по цветам и стеблям, словно сытый удав за ничего не подозревающим кроликом. Витя такой бороды отродясь не видывал. Не борода, а просто загляденье!

Зяблик, грешным делом, даже подумал, что это, как бы правильно выразится, хозяин что-ли тутошнего Рая. Именно таким в детстве, в смысле с такой окладистой необыкновенной бородой, он себе, прости его Господи, тебя таким и представлял. Что же, делать нечего, раз уж попал сюда надо как воспитанному человеку идти знакомиться.

Спустившись с дерева, Зяблик, прикрывшись для приличия ладошками, направился напрямиком к седобородому карлику.

– Прошу прощения за беспокойство, – чуть запнувшись поприветствовал Зяблик копошившегося среди цветов старичка, лицо которого вблизи казалось слегка размытым. – Э-м, здравствуйте, дедушка!

Вздрогнув от неожиданности, длиннобородый «дедушка» испуганно отпрянул прочь, собираясь дать знатного стрекача, но спохватившись, обернулся и с суровой опаской воззрился на голого незнакомца.

– И тебе не хворать, то ли бес, то ли тать, – проворчал низкорослый дедушка, разглядев, что перед ним не какое-нибудь чудо-юдо говорящее, а обычный человек, причём в весьма интересном наряде, и сразу полез с вопросами. – Ты откуда таков, аки зверь без портков?

Чудно это у него получилось, в рифму. Неужели, с перепугу у него так вышло?!

Лады, поглядим чего он дальше вычудит, смекнул Витя, что неспроста старик так вычурно выражается. Сразу видно, непрост пенсионер, ой непрост!

Подумал, подумал Витя и решил, чтобы во лжи не уличили, говорить правду, тем паче, что скрывать ему было особо и нечего.

– Разрешите представиться?! – произнёс Витя. – Я ученик восьмого «Б». Зовут меня Витя Зя...

– Здесь имя называть окстись!!! – перебил его карлик, грозно буравя колючим взглядом. Увидев, что пришлый, ничего не понимая, оторопело замолк, старик уже более спокойно продолжил. – Здесь только прозвища в ходу, – карлик внимательно заглянул в честные близорукие Витины глаза и, поверив тому на слово, со сдержанной радостью добавил, – Всё верно, Витязем зовись. Вот будет радости Коту.

Витязем так Витязем, не очень-то и расстроился Витя такому раскладу, не горшком и ладно. Да и вообще, чего это ему самому никогда в голову не приходила такая трактовка своего имени и фамилии. Витя Зяблик, сокращённо ВитяЗь. Да, Витязь и точка!

И пусть всё происходящее с ним выглядит очень странно, и напоминает что-то до боли знакомое, Витя решил разузнать куда он попал и что вообще происходит.

Карлик, сунув себе за пазуху пучок какой-то, видимо очень нужной ему травы (Вите показалось, что это некая разновидность чабреца), ещё раз более внимательно оглядел пришедшего «Витязя» и, прочитав в его глазах ещё и кучу немых вопросов, на всякий случай пояснил:

– Не удивляйся ты особо, ещё узришь ты много чуда, для нас ты знатная особа, с тобою, Витязь, краток буду, – карлик потянул бороду к себе, сворачивая её в кольцо подле ног, попутно вводя Зяблика в курс дела. – Ты послан нам как дар небес, чтобы спасти сей край чудес. Тебя давно жаждался Кот. Сказал он: «Витязь к нам придёт, чрез топь Неведомых Болот». Тебе надо ступать к нему. Не близок путь, а посему, тебя я провожу к Кашею...

– Погодите, погодите, пожалуйста! – замахал новоявленный Витязь руками, перебивая, в свою очередь, странного (и это ещё мягко сказано) собеседника, который его ещё больше заинтриговал. – Давайте, пожалуйста, всё по порядку. Ответьте мне на несколько вопросов. Только я вас прошу, уважаемый, вы без рифм можете излагать, в прозе, так сказать. У меня от маминых поэтических посиделок голова кругом идёт. И вы туда же.

– Я, увы, другой не знаю речи, а на вопросы ж, так и быть отвечу, – вновь невозмутимо срифмовал карлик.

– О, это просто изумительно! – в сердцах бросил Витя, да чего уж там, Витязь, но взяв себя в руки, он решил по возможности не обращать внимания на странный стиль разговорной речи своего собеседника. – Ладно! Для начала скажите, как вас по имени звать, как по батюшке величать?

Что это было?! Это что, он сейчас сам почти срифмовал? Неужели здесь это заразно как корь? Надо держать себя в руках, Витя, не поддаваться на его старческие уловки.

Карлик укоризненно покачал головой и ответил в присущей ему поэтической манере:

– Что в имени тебе моём? Меня здесь кличут Колдуном.

Ах, вот оно что! Так этот странный бородатый старик, обычный (!) колдун. Витины сомнения подтвердились. Значит это и не Рай вовсе. Тогда, что это за такое непонятное место?

Следующий вопрос Зяблика был естественно об этом.

– И где сейчас я нахожусь. Я имею в виду не поляну, а весь это ваш «край чудес», включая болота, луга, реки, лес. Ещё совсем недавно я гулял в Саду, затем тонул в пруду, потом вокруг густой туман, болота затхлого дурман. Я шёл через дремучий лес и... вот я здесь.

И опять Вите не понравилось, как сам он совершенно не нарочно складывал предложения в рифму. Эдак, глядишь, скоро заговорит рифмой напропалую, например, как этот Колдун.

Бородатый карлик усмехнулся, словно прочитал Витины мысли.

– А этот край, хоть и не Рай, а всё же дивный, так и знай. Здесь всё и вся создал Творец, всему что здесь, он есть Отец, – с небольшим пафосом продекламировал Колдун, лукаво усмехаясь в бороду.

– Всевышний? – сделал Витя попытку угадать, кто был тем самым Творцом.

– Никто не ведает из нас, был богом или нет Творец. Но Кот сказал, что он был Ас, а Кот у нас большой мудрец.

Честно говоря, Витя всё равно ничего толком и не понял, но чувство чего-то весьма близкого его не покидало и даже усилилось. Он понял одно – что, кровь из носу, ему необходимо встретиться с их «мудрым» или «учёным» Котом. Стоп! Учёный Кот! Он определённо слышал про него... Но этого просто не может быть! Это же плод фантазии...

– Так вот, не близок путь к нему, как я сказал, и посему, – прервал хаотичный бег Витиных мыслей, Колдун. – Тебя я провожу к Кашею, да что там... сил не пожалею, доставлю вмиг в его удел, чтоб он тебя обул, одел. Ещё же славится Кашей, как лучший стряпчий каш и шей. Он над горшками днями чахнет, на всю округу вкусно пахнет, что слюнки ручейком бегут...

– Какой Кашей, причём он тут? – вырвалось у Вити внезапно и опять в рифму.

Да что это такое. Держись Витя... зь, не поддавайся на провокации.

И почему Вите до боли в висках казалось, что про нечто подобное, с чем он столкнулся здесь, уже где-то, когда-то в другой жизни слышал. Нет, не кажется, он был в этом уверен – он знал это. Но всё же не мог поверить своим глазам и ушам.

– ...нашего успеха, он Витязя хранит доспехи, – вывел его из раздумья Колдун своим громким голосом. – Ведь не к лицу и Витязям, показывать народу срам.

Зяблик уже понял, что от карлика ему не отделаться, да и одёжкой разжиться бы не мешало. Махнув рукой, он согласился на его настоятельные увещевания.

– Эх, ладно дедушка, веди! – сказал он Колдуну, к своему удивлению переходя с ним на панибратское «ты», – Коль нам с тобою по пути, – сам того не желая, в который раз выдал Витя рифму и обречённо вздохнул: видать так оно и должно быть в этом «краю чудес», и ничего с этим, увы, не поделаешь.

– А мы не по земле пойдём, по воздуху с тобой вдвоём, – сказал Колдун и, пробормотав себе в бороду секретное магическое заклинание, воспарил над землей, словно белый воздушный шар, лишь конец его длинной бороды едва касался цветов, распугивая копошившихся на них пчёл. – За бороду мою возмись, с тобой тотчас мы взмоем ввысь.

Впервые за время их необычного диалога Витя дотронулся до шелковистой бороды Колдуна. На ощупь она была мягкая как пуховая перина. Машинально дёрнув за бороду, проверяя на прочность, сверху он услышал недовольное ворчание.

– Да ты ж не дёргай за неё! Послали ж, гоя, ё-моё! Ты Витязь, не озорничай! На руку просто намотай, конец волшебной бороды и птицей в небо взмоешь ты!

Витя посмотрел снизу вверх на зависшего надо ним Колдуна. Идея пролететься по воздуху с ветерком, ему пришлась по душе, вот только в таком неподобающем виде... А вдруг кто увидит, будут потом как на хулигана пальцами тыкать. Хорош, Витязь, будет тогда.

– Простите уважаемый Колдун, а можно я бородой, э-э, вокруг талии обвяжусь? А то вдруг рукой сорвусь и с высоты вниз... навернусь, – попросил Зяблик, пытаясь подбирать слова не в рифму, но они, заразы, сами такие подобрались. Да, пора бы уже смириться с этим новшеством.

Конечно же, понятно что нагой Витязь, в силу своей скромности, просто-напросто намеревался таким образом прикрыться от любопытных глаз и, конечно же, догадливый Колдун раскусил его нехитрый манёвр.

Недовольно почесав наморщенный лоб, Колдун видимо мысленно согласился с тем, что они и так устраивают зрелище не для слабохарактерных и согласно кивнул.

Витя мигом опоясался пушистой бородой и, несильно дёрнув за неё, дал понять заждавшемуся Колдуну, что готов к захватывающему путешествию.

Что он там проворчал, увидев Витязя облачённого в «набёдренную повязку» из его бороды, Зяблик не расслышал, зато почувствовал, как ноги оторвались от земли. В его лицо ударил поток тёплого воздуха и от необыкновенных ощущений спёрло дыхание.

Взлетев над полянкой, Колдун сделал круг почёта и, сориентировавшись с направлением, понёс Витязя над лесом, круто набирая высоту.

Тёмные лохматые ели и стройные высоченные сосны остались далеко внизу. Неразличимые с высоты по отдельности, они казались зелёным таёжным морем. От ощущения свободы захватывало дух. Восхищённому взору Вити открылась чудесная картина: слева высились скалистые отроги, уходившие за горизонт. Справа, сколько хватало глаз, колыхался дремучий лес. Лёгкие белые облака спешили навстречу, проплывая над ними. Колдун, раскинув руки, мчался вперёд маленьким упитанным аэропланом. Витя несильно подёргал Колдуна за бороду, привлекая внимание. Когда тот глянул на него, Зяблик улыбнулся и показал ему большой палец. Старый карлик подмигнул в ответ и указал пальцем вниз, мол, смотри лучше туда.

Оказывается, в настоящий момент они пролетали над небольшим лесным озерком. На волнах озера качалось несколько рыбацких лодок. Рыбаки их заметили и теперь тыкали пальцами в небо, по всей видимости, показывая друг другу «диво дивное». Витя, вот что значит воспитание, приветливо помахал рыбакам руками. В его голове мелькнула радостная мысль,

что всё-таки хорошо, что он предусмотрительно обвязался бородой: и руки свободны, и «причинные места» не на всеобщем обозрении.

Не знаю, что на него нашло, но, то ли от переизбытка чувств, то ли от души, Витя вдруг громко продекламировал первое пришедшее на ум:

– *«Там в облаках перед народом, через леса, через моря Колдун несёт богатыря»...*

От этих слов у его бородатого «аэроплана» словно силёнок прибавилось – ещё шибче припустил Колдун вперёд.

Вскоре лес стал редеть. Потянулся молодой сосновый бор, затем под ними затрепетала берёзовая роща и оставив лес позади, они вскоре оказались над колосющимися полями.

Почти прямо навстречу им, из-за горизонта вынырнула небольшая церквушка с золотыми маковками куполов и стала медленно, но верно, приближаться.

Видимо поздно её заметив, Колдун чертыхнулся и стал сворачивать в сторону, не желая пролетать над церковью. Огибая её по большой дуге, он то и дело поглядывал на колокольню, и что-то увидев там, невидимое для слабого Витино зренья, стал поспешно спускаться к земле.

Раздался праздничный колокольный перезвон, который в народе обычно называют «малиновым». У Колдуна уже с первым ударом колоколов, словно топливо иссякло: он завис на мгновение в воздухе и словно сбитый «мессершмидт», штопором устремился к земле, а вместе с ним соответственно и Витя, куда же, скажите на милость, он без него. В одной «связке» поди шли.

Хоть они и не договаривались о такой посадке, Витя шестым чувством догадался, что стряслось нечто выходящее из ряда вон. Благо, хоть Колдун снизиться немного успел, так что пшеничное полюшко их приняло в свои объятия без вывихов и переломов. Но всё равно, честно признаться, обоим здорово досталось. А Вите и того больше. А как иначе если ещё и Колдуном сверху. Ну да ладно, горевать некогда, надо бы разобраться что к чему.

Поднявшись на ноги и отвязавшись от бороды, Зяблик помог подняться контуженному Колдуну, который выглядел измочаленным, словно из него выжали все соки.

– Колдун ответь, что это было? – обратился Витя к болезненно кряхтевшему старцу. – И что тебя в полёте сбило?

Наш герой уже и не обращал внимания на все эти свои рифмы, да и вы не обращайтесь. Примите как должное. «Край чудес» однако.

Колдун вытер проступивший на лбу пот своей потускневшей бородой, и просветил своего спутника:

– Это всё Поп – толоконный лоб. Подловил меня со зла, зазвонил в колокола. Слышишь, как звонит-старается, мои чары рассыпаются. Считает он, коль чародей, так значит для людей злодей. Наверное, подумал Поп, что я стащил евовый сноп. У нас с ним давние раздоры, хоть не нужны с Попом мне ссоры.

Ага, правильно догадался Витя, значит, это колокольный звон так губительно подействовал на Колдуна. Не предполагал он, что такое может быть. Хотя чего удивляться, в таком подозрительно «чудесном» месте всякое возможно.

– Что дальше делать, как нам быть? Пойти с Попом поговорить? – спросил он у Колдуна. – Чтoб перестал уже звонить. Ну что, как быть?

Колдун поморщился.

– Чего уж там теперь, пусть бьёт. Быть может, лоб свой расшибёт, – колдун стал наматывать бороду вокруг своего упитанного тела. – Мне быстро силы не набрать, неделю нужно полежать, да похворать. А ты давай не жди меня, на север, коль пешком – полдня. Там терем старого Кашея, а я пойду уж, поболеею.

С этими словами ушибленный и обессиленный колдун, закинув конец бороды себе на плечо, похромал в ту сторону, откуда они только что прилетели. Витя вновь остался один-

одинёшенек и всё ещё гол как сокол. Налитыми колосьями же прикрываться ему совести не хватило. Хлеб всё-таки.

Так, всё в том же платье фасона «а-ля Адам», он направился на север, намереваясь быстренько и незаметно прошмыгнуть мимо церквушки. Не хотелось ему встречаться с местным воинственным батюшкой, который одним колокольным звоном распугивал не только всю нечисть в округе, но и вполне даже законопослушных и пристойных чародеев.

Пройти мимо незамеченным Вите всё же не удалось. Видимо у Попа, помимо колоколов, на колокольне имелась в наличии и подзорная труба. Едва Зяблик пересёк невидимую черту, оставлявшую церковь за неприкрытой спиной, как его настиг крупный чернобородый мужчина в чёрной же сутане и, перегородив путь, упёр руки в налитые бока. Если Витя не ошибался, а он в этот раз не ошибался, это был тот самый Поп – местная гроза ведьм и колдунов.

– Добрый день, святой отец! – вежливо поздоровался Зяблик с батюшкой.

– Гляньте, какой молодец! Аль не стыдно, скрыл бы срам. Здесь не баня, божий храм, – вместо приветствия, начал Поп читать «бесстыднику» проповедь-нотацию, указывая на церковь и пристройки. – Глянь вон Попадья в окне, за тебя уж стыдно мне. Детки вон мои, попятя, словно малые опять облепили весь оград. Что проделке своей рад?

Поп, насупив кустистые брови, грозно сверлил Витю тяжёлым взглядом.

И так чувствуя себя не в своей тарелке, тот готов был провалиться сквозь землю, но вместо этого стал оправдываться.

– Грешен. Знаю. Каюсь. Срам. Не хотел вот так я в храм. Честно, стыдно, признаюсь. Больше здесь не объявлюсь.

– Ишь как складно ты запел. Отвечай, то ты летел? – ещё пристальнее впился в Витю Поп и сильнее сморщил свой толоконный лоб.

– То, прошу прощения, меня колдун тягал.

– Сговор с магом?

– В плен попал.

Ну и чего тут такого, что немного Витенька слукавил?! Зато у Попа суровые морщины на челе чуток разгладились. Как никак героический поступок батюшка совершил – человека вот из полона чародейского вырвал.

– Кошь так, тогда изволь отблагодари, поработай-ка на меня годика три, – предложил «спасённому» Поп. – Нужен срочно мне батрак, я гляжу ты не слабак.

Конечно Поп немного приукрасил Витино физическое развитие, ну да Зяблик понимал истинные причины батюшкиного красноречия.

– Спасибо вам за комплимент, но только есть один момент, ведь я, простите, тоже не простак, чтобы горбатиться за так, – ответил «неблагодарный» Витя своему внезапному «спасителю», и даже удивился сам себе, что смог впервые за многие годы сказать кому-то (да ещё, кто бы мог подумать, духовному лицу) вполне уверенное «нет».

– Да ты условия послушай, – не собиравшись Поп отказываться от своей затеи уговорить юного кандидата в батраки немножко на него «поишачить», – Смотри, – стал батюшка загибать пальцы на руке, – сколько хошь работай, кушай. Правда, кушать только полбу, зато можешь бить мне по лбу.

Зря он так! Где-то Витя слышал нечто похожее.

– А хошь бесплатно причащу, грехи тебе все отпущу?! – умело торговался Поп. – Кагором сладким напою, а время грянет отпою?!

Нет, решил Витя, как-то надо отказать так, чтобы и не обиделся священнослужитель и понял, что зря он так подставляется. Не на того в один прекрасный день нарвётся.

– *«Эх, не гонялись бы вы Поп за дешевизною»!* – вырвалось у него как само собой разумеющаяся, широко известная в определённых кругах строчка.

Поп вздрогнул от этих слов. Посмотрел на Зяблика иначе, почти также как давеча Колдун. Зябко поёживаясь, Витя уж грешным делом подумал, что за такие речи предаст священник его анафеме сиюминутно. Ан нет. Развернулся Поп, рясу в руки и бегом к себе.

– Батюшка, вы не сердайте, это просто стих такой, – крикнул Витя вслед удаляющемуся Попу. – Лучше мне одёжу дайте. А то куда же я нагой?!

Ага! Сейчас!

Поп стремительно скрылся у себя в доме. Даже не оглянулся.

Не стал Витя ожидать, когда батюшка собак на него спустит. Пospешил и от греха, и от святости прочь.

– Эй! Постой, мил человек! Не догнать тебя вовек! – запыхался догнавший его батюшка. В руках он держал старую застиранную рясу. – Вот возьми, что бог послал, – протянул Поп ему рясу и похлопал по плечу. – Что ж ты сразу не сказал, что мол Витязь. Кабы я знал, разве я б тебя ругал. На меня ты не сердись, а Кашея не бойсь. Здесь тебе есть каждый друг, а Кашей... тот стоит двух. И спасибо за совет, буду щедрым, спору нет. Пospешай скорей к Кашею. Как поешь евоных щей, долго там ты не гости. Ты доспехи испроси. Облачайся и к Коту, на заветную версту. Там тебе всё скажет Кот, а быть может и споёт. Ну, давай, не стой столбом, поспешай, я чую лбом...

С этим напутствием, облачил в одночасье «расщедрившийся» Поп Витю в обширную, не по его размеру рясу. Мягко говоря, свободна была ряса и, даже можно сказать, мешковата. Ну да и ладно. Главное, теперь можно было Вите-Витязю идти туда ещё толком не зная куда, но уже не стесняясь и не краснея.

Попрощавшись на этом с Попом Витя продолжил свой дивный путь аккуратно в указанном направлении.

В скором времени возделанные поля плавно перетекли в некошенные луга, а там, оглянуться Витя не успел, и уже роща берёзовая окружила, с тихим шелестом пропуская его сквозь свою светлую печаль. Поначалу не обратил он внимания, отчего это роща так печально провожает его, намереваясь погладить тонкими веточками своих белобоких деревьев. Да, по правде говоря, он и потом-то не сразу вспомнил о её странном поведении. Однако дальнейшие события показали, что на самом деле всё было не так радужно, как нашему герою того хотелось бы. И события эти начались, едва он вошёл под сень древнего ворчливого леса, который настороженно поглядывал на пришельца из-под своих мохнатых еловых бровей.

Словно не желая пропускать через себя, лес на Витином пути с каждым шагом становился всё гуще и дремучей. Колючие ветви, аки живые хлестали и цеплялись за презентованную Попом рясу. Зяблик еле успевал уворачиваться и прикрываться, продираясь сквозь чащу. Пройдя, а правильнее будет сказать, протиснувшись, совсем немного, он порядочно изодрал поповский подарок и уже почти смирился с тем, что здесь ему точно уже не пройти и надо возвращаться обратно, искать другой менее елово-тернистый путь, как вдруг случилась такая неожиданная оказия, что Витя испугался так, как давно уже не пугался (а возможно даже ещё никогда он так не пугался).

Повернувшись к лесу задом, а к оставшейся позади роще передом он услышал позади ехидный смешок. Оглянулся через плечо. Никого. Только сделал Зяблик первый шаг в обратный путь и тут же нечто пушистое и сильное без предупреждения прыгнуло ему на шею и начало умело душить бедного безобидного юнната. В голове у Вити загудело. В глазах у Зяблика потемнело. По рыби хватая ртом воздух, он кое-как справился с первым приступом паники и нащупал на своей шее когтистые лапы. А как нащупал он эти лапы, тут же накатил второй приступ паники. Но, как общеизвестно, у страха не только глаза велики. Из всех, кстати практически последних, сил, Витя с трудом сдёрнул с себя неизвестного, невероятно наглого налётчика и, куда только врождённая робкость девалась, приложил его со всего маху о

толстое хвойное дерево (шишки так и посыпались), затем ещё разок и, бросив наземь обмякшее тело врага, в запале прыгнул нападавшему обеими ногами на живот.

– У-ху-хух – пролепетало, видимо скоропостижно преставляясь, злобное существо с когтями и зашлось в предсмертном кашле.

Витенька исключительно от испуга, сел на это нечто сверху и, зажав супостата промеж ободранных коленей, нанёс серию поучительных пощёчин в то место, откуда этот лохматый мерзавец издавал гортанные звуки.

– Ух-хф – умирая, всё не успокаивался его внезапный противник и вдруг взмолился на человеческом языке, да ещё и... ну вы сами догадались, конечно же в рифму. – Не губи ты меня добрый молодец. Не мутузь меня в студень-холодец. Обознатушки, видать вышли нечаянно. О перепрытушках молю я отчаянно.

Смекнув что эта дикая тварь из не менее дикого леса обладает кое-каким разумом, раздухарившийся одержанной победой Витя всё же сжалился над ней и, оставив покоиться лохматое тельце на земле, привалился спиной к дереву отдохнуть и перевести дух после стычки.

Солнечный свет, местами прорываясь сквозь кроны деревьев к месту скоротечной драки, позволил ему теперь уже более тщательно рассмотреть то, что лежало на примятой во время борьбы траве. Пушистый комок серо-зелёной шерсти, держась передними когтистыми трёхпалыми лапками за живот, задними елозил по земле. Размерами существо было примерно с матёрого енота. Без хвоста. Зато уши почти человечески, только непропорционально большие и комично подвижные. Чудо-юдо лесное, да и только.

– Ну, ох-охо, зачем так избиваешь?! Шутки что ли совсем не понимаешь? – вновь вымолвило «чудо-юдо» человеческим голосом. – И дерёшься, не по-здешнему. Кто же топчет ногами Лешего.

Ах, вот кто меня тут попугать вздумал, ухмыльнулся Витя, объездить, небось, хотел и лошадкой своей сделать. Леший, шмакодявка, собственной персоной пожаловал. Ну-ну, будем знакомы.

– А что же вы злодействуете? На нервы сами мне действуете, – парировал Зяблик в ответ на претензии лесовика. – И лес против меня настроили. Без причины прохожего расстроили.

Леший присел и, потирая дюже ушибленные бока, продолжил жалостливо:

– Сказал ведь, обознался я. Я ж думал Поп или Попадья. Без колокола, без креста, подумал, ай да красота. Вот подвело же зрение, без всякого сомнения. По доброте душевной мне, хотелось славно пошутить и на тебе как на коне, себя немного прокатить. А ты гляжу я, больно смел и шутики не уразумел, меня аки щенка споймал и сдуру чуть не поломал.

Опосля таких его слов у Вити всю сердитость словно ветром сдуло. Понятно, рассчитывал стервец лесной на ошеломляющую внезапность, да не проняла новоявленного Витязя его проделка. Хорошо это, что на его месте не оказался Поп или, тем паче, Попадья, вздумай кто-нибудь из них по грибы да по ягоды сюда сунуться. Посему не сдержался Зяблик, и по всей строгости закона попенял Лешему.

– То добро, что вместо Попа, ваш выбор на меня попал. Заикой сделали б его, тот вас бы тыщу раз проклял. А если б Попадья была, она б на месте умерла. Так что давайте обещайте, что более не будет так. Не озоруйте, не страшайте. Вы вроде вовсе не вахлак, – Витя ободряюще ему подмигнул, и добавил. – Чтоб каждый путник молвить смел: *«Там чудеса: там Леший бродит. Он добрый и не колобродит»*. Дружить с тобой, чтоб люд хотел.

Леший внезапно спохватился, протёр подслеповатые глаза и присвистнул.

– Так ты и есть тот самый Витязь?! Ах вы глаза мои стыдитесь! Как вы могли так подвести. Во всём виновна, знать, сутана, – Леший кивнул на Витины изодранные обноски с батюшкиного плеча, – Клянусь, добрей отныне стану и буду я закон блюсти, – он озабоченно поглядел на солнце, давненько перевалившее зенит. – Тебе же Витязь помогу, я Леший, здесь я всё

могу. Я на заветную тропу, Неведомую для людей, тебя немедленно сведу. А чтоб ты поспешал скорей, я тотчас призову лосей. Они тебя доставят споро, в Кашеев терем бегом скорым.

Леший, подскочив словно молодой козлёнок (ни следа от недавних побоев не осталось, даже ничутьки), поманил Зяблика за собой. Неприветливый доселе лес, поначалу нехотя, а с каждым Витиным шагом всё охотнее расступался, беспрепятственно пропуская того следом за Лешим, катившимся в траве мохнатым коlobком. Сейчас лес уже не казался таким дремучим, ворчливым и непроходимым. Скорее всего, и доселе он был просторным и приветливым, это Леший, озорник, его на хулиганство надоумил. Шутник трухлявый!

Не успел Витя толком и оглядеться с таким-то проворным проводником, как они уже вышли на ту самую заветную Неведомую тропку. Леший повертел ушами по сторонам и, видимо, расслышав то, что ему было нужно, обрадовано потёр своими цепкими лапками.

– Сейчас сыграю на трубе, подмогу вызову тебе. Эх, где же мой инструмЕнт был, когда в последний раз трубил.

Задумчиво погладив свои уши и так ничего и не припомнив, Леший решил поступить иначе.

– Уж больно надо вспоминать, есть у меня кому искать, – с некоторым бахвальством, произнёс он. – Команду дам, трубу найдут и в целости мне принесут.

Поделившись своей идеей, Леший задрал голову и заковыристо засвистел. Почти посоловьиному свистнул. Из крон тотчас донеслась быстрая чуть ли не барабанная дробь. Невидимый среди буйной листвы дятел, выстукивал по дереву лесной «азбукой Морзе» указания Лешего. Где-то в глубине чащи взволнованно застрекотала сорока. Ещё дальше, хорошо поставленным голосом, подключилась к «эстафете» кукушка. Чаща наполнилась щебетаньем, свистом, трелями, охами и вздохами. Лесной народ искал «трубу» хозяина. Подбоченясь, Леший, тот ещё самохвал, важно вышагивал вдоль по тропинке туда-сюда, то и дело, поглядывая на человека, мол, гляди Витязь, как тут всё у меня схвачено.

Прошло совсем немного времени, как за Витиной спиной раздалось глухое ворчание. Он обернулся и увидел, как на тропу из кустов выбрался косолапый медведь, державший в передних лапах большую морскую раковину, по всей видимости, ту самую трубу. Выглядел зверь внушительно, но особого страха у Зяблика не вызывал.

Не станет же медведь при Лешем на меня бросаться, понадеялся Зяблик на своего провожатого, и всё же, стараясь не делать резких движений, на всякий случай встал так, чтобы промежду ним и косолапым оказался хозяйничавший в этих местах Леший. Нехай он сам со своим «подчинённым» пообщается.

– Умница, ведмедка! – похвалил Леший косолапого, забирая у того «трубу» и, повернувшись к Зяблику, заговорщицки шепнул, чтобы «ведмедь» не услышал. – Что бывает редко. Он чаще дрыхнет в чаще, сон ему мёда слаще. Ну, все ж люблю зверюгу, косматого хитрюгу.

Медведь встал на все четыре лапы и, уловив ласковые нотки в голосе местного начальника, потёрся носом о плечо лесовика. Леший дружелюбно похлопал медведя по щеке и, нежно почесав шею, чем вызвал у бурого бую восторга, предложил тому убираться восвояси.

Когда обласканный косолапый скрылся в кустах, Леший, прочитав на Витином лице явное недоумение по поводу наличия несвойственной у лесного жителя штуковины, поспешил того просветить кое в чём.

– Не удивляйся, Витязь, чудесной трубе, что из морской раковины смастерил я себе. Её я выменял на снасть у Старика, заядлого морского рыбака, – пояснил он происхождение своего духового инструмента. – Глянь, лучше Витязь, как трубит Лешак. И даже ты навряд ли сможешь дунуть так.

Леший начал не спеша, обстоятельно, набирать в себя воздух. Он медленно надувался, увеличиваясь в объёме, что вскоре стал смахивать на мохнатый дирижабль. Витя, по доброте своей душевной, уже настроился было переживать, как бы тот чего доброго не лопнул, но непо-

правимого происшествия не произошло. Леший, наконец, прекратил надуваться, приложился губами к раковине и затрубил.

Ничего не скажешь, громко затрубил, Витя даже уши прикрыл ладонями, дабы его не контузило. Громко и долго трубил Леший. Сразу видно – больно нравилось ему это духовое дело. Когда, наконец, он иссяк и оторвался от своего сигнального инструмента, в глубине чащи послышался страшный треск. Кто-то большой, сильный и быстроходный мчался напрямом через лес, напрямом в их сторону. Несколькими минутами позже на тропу выбежало стадо огромных лосей. Впереди стада, мягко ступая, трусил приличных размеров, в холке без малого десяток локтей, широкогрудый самец, без вариантов, вожак сохатого стада. И вот этот вожак, полностью игнорируя Витино присутствие, остановился напротив Лешего и склонил перед ним голову, украшенную шикарными ветвистыми рогами невиданного размаха (трофей-мечта для любого маломальского охотника).

Леший, кивая на Зяблика, пошептался на своём зверино-лесном с сохатым. Лось, с виду обычная, ну может быть немного крупнее чем обычная, лесная животиная, придирчиво оглядел Зяблика и утвердительно тряхнул рогами.

– Смотри сохатый мне! Задачу я поставил! – уже громко и на человеческом, попенял лосю Леший. – Чтоб в целостности-сохранности ты Витязя доставил! Тебе, Лось, говорю: бежишь – смотри вперёд, вдруг кто-нибудь навстречу по тропе идёт.

Лось весело фыркнул, видимо вспоминая кое-какие случаи из своего славного прошлого и, опустившись на переднее колено, приглашающе взглянул на Витю.

– Влезай скорее Витязь, в путь пора! – сказал Леший, показывая на высокий лосиный горб. – Свезёт тебя сохатая гора, на место где тебе почёт окажут и направление нужное покажут.

Зяблик с плохо скрываемым страхом посматривал на лесного великана. Он-то от лошадей в парке культуры и отдыха шарахался, а тут ему дикого лося оседлать предлагают. И ещё неизвестно как сохатый себя поведет, когда Леший исчезнет из поля зрения. Вдруг брыкаться начнёт.

Витя всё не решался подойти к новому средству передвижения и это не укрылось от проницательного лесовика.

– Чего ещё ты Витязь ждёшь? – вновь обратился Леший к Зяблику. – Толков мой лось, зря ты боишься. Как ветер ты на нём помчишься. Пешком же ты полдня «убьёшь».

Вите стало не по себе, что его, «Витязя», заподозрили в трусости. Раньше ему и в голову бы не пришло на такое сердиться, зато теперь...

– С чего ты взял, что я скотинку испугался, – уняв дрожь в коленях, «возмутился» Зяблик, перейдя на ты со старшим (и намного старшим) по возрасту существом. – Я просто к животине примерялся. Достоеен ли сохатый подо мной скакать. На ком, на ком, а на лосе не прочь погарцевать.

Витя неуклюже взобрался сохатому на спину и, намертво вцепившись в рога, так что костяшки на руках побелели, приготовился к захватывающей дух скачке. Действительно, какой же «витязь» не любит быстрой езды.

Лось поднялся во весь свой немалый рост и, ударив копытом землю, незамедлительно рванул по неведомой тропке. За ним помчалось его верное стадо.

– Витязь, ты держись, давай! Коту привет передавай! – сквозь свист ветра в ушах, донёсся до Вити голос Лешего.

– Коли жив ещё я буду, передать не позабуду! – оглянувшись назад, пообещал он и с удивлением отметил, как вокруг лесовика, махавшего на прощанье лапкой, живо собралось лесное сообщество. Лисы и белки, зайцы и куницы, косули и соболя, мыши и еноты, и ещё много-много всяких местных тварей дружно высыпали поглазеть вслед уезжавшему с лосиным стадом Витязю.

После знакомства с Лешим и всех сопутствующих этому событий, Витя дал себе слово больше ничему не удивляться в этом «краю чудес».

О, это было незабываемо!

Витюша с Лосем развили приличную скорость на этой лесной стёжке. От остроты ощущений у него порой дух не просто захватывало, а местами и перехватывало, особенно на виражах при поворотах. Иногда приходилось даже зажмуриваться. Несомненно, на пеший путь у нашего героя бы точно ушло никак не меньше половины светлого времени суток. А здесь даже не берусь сказать, сколько они уже неслись во весь лосинный опор. Время словно притормозило, посмотреть, кто это тут балует на заветной тропке. Сохатый скакун, склонив рога, из-за чего Вите было прекрасно всё видно впереди, наматывал на свои широкие копыта версту за верстой. Изумлённые деревья, мелькавшие по обеим сторонам тропинки, в мгновение ока оставались где-то далеко позади, уступая место своим зеленеющим собратьям. Сильное животное, практически не ощущая человеческого веса на своём горбу, увлечшись игрой в перегонки с ветром, оторвалось от стада и, не сбавляя скорости, кое-как вписалось в очередной поворот.

Жаль, конечно, что всё так некрасиво вышло!

Буквально за поворотом лось со своим всадником наткнулись (тоже в буквальном смысле) на большую ступу, неспеша бредущую на курьих ножках сама собой им на встречу. В ступе, обняв метлу, дремала сухонькая старушонка, типичный «божий одуванчик».

Вот и всё, что Витя успел рассмотреть, прежде чем они врезались со «встречкой» на всей скорости. Лось от столкновения с тяжёлым предметом получил сотрясение пусть небольшого, но всё-таки мозга. Ступа от столкновения с Лосем особых повреждений не получила, но опрокинулась, вываливая из себя всё содержимое во главе со старушкой. А Витя от столкновения по инерции полетел дальше. Шучу! Будь он Колдуном, может быть и полетел, а на самом деле, кувыряясь, он всего лишь перелетел через внезапное препятствие и благополучно совершил «мягкое» приземление в придорожные заросли колючего репейника,

Пока лось, сидя в раскоряку на взмыленном крупе, считал «звёздочки», а Зяблик приходил в себя после краткосрочного полёта, с виду хрупкая «божий одуванчик» шустро очухалась от столкновения и, узрев «виновника торжества», бесстрашно пошла в психологическую атаку на лося с метлой наперевес.

– Ах ты, вредная скотина! Длиннорогая дубина! Нет спокойствия в лесу! Лешему я донесу, то, что ты «таран» сохатый, повредил на днях мне хату, и за ступу мне теперь, ты ответишь, уж поверь! Я Кашея попрошу, чтобы он тебя споймал и сама распотрошу, ты своё уж отгулял! – возмущённая старушка треснула метлой едва отошедшего Лося, который вскочил и, не разбирая дороги, с перепугу сиганул в чащу, подминая кусты и молодые деревца.

Подоспевшее стадо, не вникая в детали, устремилось следом за вожаком.

– И на Неведомой дорожке, покой лишь снится Бабке-Ёжке, – проворчала бабуса, грозя метлой вслед улепётывающему стаду лосей, и похромала к безуспешно пытавшейся подняться на куриные лапки ступе.

К этому времени Витя, обвешанный репейными колючками, выкарабкался из колючего кустарника и шагнул навстречу бойкой старушке.

– Вы, бабушка, на лося не серчайте, поверьте не со зла он, так и знайте, – попытался он извиниться перед пожилой дамой за своего невнимательного проводника-перевозчика, которого, кстати, уже и след простыл.

Старушка от его голоса вздрогнула, но взяв себя в руки, не подалась панике, а повернувшись к Зяблику, тут же устроила допрос с пристрастием:

– Чую я поповский дух! – подслеповато шурилась она, держа метлу на весу. – Али бес лесной протух! От святош и от чертяк, дурно мне бывает так. Отвечай мне сей же час, пошто

караулил нас? – и тут у неё видимо мелькнула смутная догадка, – Эй, разбойник ты, небось? Вот где свидеться пришлось. А отдавай-ка метлы, из магической ветлы.

Витя даже не успел толком осмыслить её «обличительные» слова. Старуха, не дожидаясь ответной оправдательной речи, замахнулась своим грозным оружием. Зяблик, хоть и был всегда учтив со пожилыми людьми, не без труда перехватил метлу и вырвал её из бабкиных рук. Показав своё не такое уж и большое физическое превосходство тем, что отобрал оружие самозащиты у престарелой дамы, Витя, в свою очередь, всё же решил перевести диалог в мирное русло.

– Вы, мадам, не горячитесь, выслушайте, не деритесь, – он мило улыбнулся, стараясь сгладить напряжённость момента, – Так что, я прошу, уймитесь. Не разбойник я, не бес и не Поп, обычный Витязь, пробираюсь через лес, я к Кащей за одеждой, чтоб сутаной не смущать, местных и вообще, негоже мне Кота так навещать. Мне сказали, Кот лишь сможет, объяснить чего да как. Разобраться мне поможет, как всё вышло это так.

Его немного сумбурная речь тем не менее подействовала на старушку успокаивающе. Агрессивное выражение на её лице сменилось на недоверчивую гримасу. В знак дружественных намерений Витя благородно вернул лесной пенсионерке метлу. Старушка пристально его осмотрела, повела носом, обнюхивая, и удовлетворившись результатами наблюдений, окончательно сменила гнев на милость.

– Тебя, милоч, я не признала, знать дух поповский перебил, а то б я Витязя узнала, пусть и нагой бы вовсе был, – наградила она последнего кокетливым взглядом.

Эх, старая шалунья! В обед триста лет, а всё туда же, кокетничать пытается, флиртовать. Да, чего уж с неё взять – баба, она пушай и Баба-Яга, а в первую очередь... женщина.

– А сколько я ещё отсюда, к Кащей добираться буду? – попытался Витя переключить внимание не в меру бойкой старушки со своей персоны на интересующий его вопрос.

– Да ты, милоч, дошёл почти. Отсель уже не заплутаешь, – кивнула старая на тропу, – там терем, вмиг его узнаешь. Тут мимо мудрено пройти.

Отлично! Итак наш Витязь оказался уже практически у первой «вешки».

Как того требовали приличия, Витя перекинулся ещё парочкой слов со старушкой, в которых она предложила Вите при первой возможности заглянуть на чай с мочёными поганками и «волчьеягодным» вареньем в «мою скромную халупу, навесить меня и ступу». Витя, естественно, пообещал, что при первой же возможности обязательно заглянет на огонёк. После этого, он, как и полагается воспитанному мальчику, с превеликим трудом поставил на ноги, пыжившуюся самостоятельно подняться, ступу. Галантно подсадил в неё старушку и, поклонившись, распрощался с новой (хоть по возрасту и очень-очень старой) знакомой.

Ступа, скрипя и хромая, побрела по воле бойкой ведьмы дальше по заветной тропинке, а Витя отправился Неведомой тропой-дорогой в противоположную сторону.

Совсем скоро он вышел к приземистому, срубленному из толстых брёвен, терему. Из трубы валил дымок, а по округе витал дурманящий запах жаркого. Значит, точно сюда.

Обойдя жилище, Витя нашёл дверь и постучался.

– Заходи! Не запираю! – раздался старческий дребезжащий голосок из-за двери.

Зяблик толкнул грубо сколоченную дверь и, пригнувшись, вошёл внутрь.

– Я тебя всё поджидаю, – улыбнулся ему щедушный старик в расшитой узорами косоворотке – Кащей собственной тощей персоной, – и гостеприимно повёл рукой. – Проходи и не стесняйся. Вода в кадке. Умывайся. Вытрешь руки рушником. А чегось ты босиком? – оглядев пришедшего Витязя, поинтересовался Кащей, но, не дав тому и рта раскрыть, сам сделал верное умозаключение: – Ясно, Поп наш «расщедрился». Кто бы смог так одарить. Прохвост старый, умудрился, обносил Витязю всучить. Э-эх! Смех и грех!

Витя благоразумно промолчал, не став ничего комментировать. Умывшись и присев на лавку у стены, он огляделся.

Ишь ты! Да, Кашеюшка, как поглядеть, тот ещё гурман.

На стенах были развешаны пучки трав и корешков, узелки со специями, гирлянды сушеных фруктов, овощей и грибов. На полках, в разнокалиберных тесках и писаных коробах стояли приправы к блюдам, крупы и сушеные ягоды. В бочонках, приютившихся по углам, смиренно дожидались своего часа моченые яблоки, квашеная капуста и солёные огурчики.

В общем, зрелище и запах были не для голодных и слабонервных. Витя чуть было слюной не захлебнулся. Благо, расторопный Кашей, быстро накрыл на стол и гостеприимно пригласил отведать того «что черти не зажали».

Подсев к столу, Витя учтиво пожелал приятного аппетита хозяину и накиннулся на еду.

Ох! Что это было за угощение, словами не передать: печеная картошечка, приправленная маслом, жаркое в горшке, тыквенная каша, кислые щи, подливы, маринады, соленья и варенья, зелень, клюквенный морс, вишнёвый компот и ещё много всякой вкусной всячины. Давно Витюша так не лопал. Наверное, с *той* прошлой жизни. А что значит наверное? Он ведь и впрямь ещё с утра не подкреплялся! Чай с бутербродами не в счет.

Кашей, польщённый вниманием Витязя к своей стряпне, сам же нехотя ковырялся ложкой в своей полупустой тарелке.

– А чего вы не едите? – обратился Витя к нему с набитым ртом. – Неужели не хотите?

Кашей бросил ложку на стол и ответил:

– Глянь-ка на меня, милоч. Ну, какой же я едок? Люблю стряпать, это да, с аппетитом, брат, беда, – старик пристально посмотрел на Зяблика, который был ненамного упитаннее чем он, прежде чем продолжить. – Правда нравится мне блюдо, вкусное, ну просто чудо, давно многими отмечена – свеженькая человечина.

Кашей громко сглотнул, а Витя поперхнулся, закашлялся и чуть было не задохнулся.

– Да расслабься, я шучу, – весело рассмеялся престарелый шутник-озорник Кашей. – Рассмешить тебя хочу.

Спасибо. Рассмешил, дедушка. Так «рассмешил», что у Вити аппетит пропал на самом интересном месте.

Запив прохладным квасом застрявший и еле протиснувшийся в горле кусок, недовольный Витязь вышел из-за стола.

– Сердечно, благодарю за хлеб и соль, – сказал он поднявшемуся вместе с ним старику.

Тот махнул рукой, мол, пустяки, не стоит благодарностей.

– Ах да, вопрос один задать? – вспомнил Витя, что Кашей вроде должен ему подсобить с новым обмундированием.

– Изволь, изволь!

– Мне тут люди добрые сказали, что у вас одёжка вроде бы есть.

– Верно, люди эти не солгали, надо на чердак тебе залезть, – ответил Кашей и показал на лаз в углу под потолком, к которому была приставлена лестница. – Там наверху твои лежат доспехи: и сапоги, и платье, и шолом, плащ алый оторочен тонким мехом, всё в сундуке хранится под замком.

Кашей протянул Вите увесистый ключ и кивнул на лаз.

– Влезай, открой сундук, там сразу облачайся. Хламиду эту сбрось и здесь оставь. Всё будет в пору, ты и не сомневайся, – уверил его Кашей и благоговейно добавил: – сам Ас хранить велел, перед уходом в Правь.

Не особенно и смущаясь, как прежде бывало, Витя стянул с себя пришедшую в полную негодность сутану и, взяв ключ у старика, полез на чердак. Краем глаза он заметил как Кашей, скорчив брезгливую гримасу, поднял поповский служебный наряд и ловко зашвырнул его в печь. Зяблик понимающе улыбнулся и покачал головой. Увидев, что Витязь заметил этот его трюк, Кашей виновато пожал плечами и пояснил:

– Я, видишь ли, желаньем не горю, и ты уж это должен понимать, поповским духом теремок свой пропитать. Тебе как Витязю я по секрету говорю.

Ещё бы Зяблик не понимал. У колдуна вон, от одного колокольного звона все его чары рассыпались, а следом за этим и они оба, в буквальном смысле, с небес посыпались. Если честно, с этим Кашеевым поступком Витя был целиком и полностью согласен.

Он махнул рукой, мол не возбраняется, и взобрался на чердак. Здесь было просторно только очень пыльно и затянута паутиной. И, кажись, здесь давненько здесь не ступала нога человека. Весьма давненько...

Аккуратно, чтобы не запачкаться, Витя протиснулся к стоявшему в гордом одиночестве у слухового оконца, сундуку. Сундук был тяжёлый, кованый, опутанный железной цепью. Оконечные звенья цепи были сцеплены тяжёлым амбарным замком. Сдув с замка пыль веков и вставив в отверстие полученный у Кашея ключ, Зяблик с трудом провернул ключ в замочной скважине до характерного щелчка. Сняв замок и, стянув цепь с крышки сундука, Витя приподнял и откинул крышку. Огромный сундук был пуст и только на его дне лежал аккуратный свёрток. Перегнувшись через борт сундука, Витя развернул свёрток и ахнул! Кашей не надурил и даже не преувеличил. В свёртке находилось всё то, про что он и говорил: и просторные шаровары, и льняная рубаша, и красные кожаные сапожки, и атласный плащ отороченный мехом, и шлем, и кольчуга с фигурными бляхами, и наручи, и кожаный пояс. Не откладывая их примерку в долгий ящик (или в глубокий сундук, кому как нравится), Витя неожиданно быстро и правильно облачился в, словно под него подогнанные, вещи и с удовольствием осмотрел себя в новом облике. Красота! Всё сидит как по мерке деланное, даже стальной шишак в пору, и виски не сдавливает, и на уши не сползает. Вот теперича он настоящий Витязь! Ни дать ни взять, красавец-парниша!

– Ты чего застрял? Уснул? – напомнил снизу о себе старик.

Витя не ответил, залюбовавшись обновой на себе.

– Ты портки хоть натянул? – показалась в лазе голова Кашея.

Увидев своего гостя во всей красе, он восхищённо присвистнул.

– Ай да Витязь, прям Царевич! Нет, какой там?! Королевич! – сказал Кашей и тут же ударил себя по губам. – Ах, чего же я болтаю, сам того и не желая, поминаю почём зря, молодого короля.

Зяблик так и не понял, чего он так разволновался. Кашей же не стал ничего ему пояснять, зато начал настойчиво поторапливать.

– Витязь, ну-ка вниз спускайся, да в дорогу отправляйся. Засиделся здесь, поди. Быстро слазь и уходи.

Витя сильно и не удивился такой резкой перемене в его настроении. Кашей ему с самого начала странным показался: то приветствует незнакомого как родного сына, то шутит по чёрному, то вот, прогоняет, как провинившегося постояльца. Наверное на то он и Кашей, чтобы так себя неадекватно вести. Раскрыл-таки свою истинную личину дедушка.

Закрыв сундук, Витя спустился за поторапливающим его Кашеем, который, ещё раз отметив как тому к лицу ратная обнова, всучил ему в руки узелок с едой и чуть ли не силком стал выставлять за дверь.

– Давай, давай, не застревай! – приговаривал Кашей, подталкивая Зяблика к двери. – Витязь, ты уж отобедал, так отправляйся в путь скорей, – и тут он приоткрыл завесу тайны своего поведения, – В час недобрый вдруг наедут, – на улице послышался тяжёлый топот подкованных копыт, конские всхрапы, бряцанье стали и грубые голоса. Кашей изменился в лице и упавшим голосом простонал. – Эти Семь Богатырей!

Ну и что тут такого. Подумаешь – семь богатырей. Не разбойников, же.

Витя примерно так и сказал Кашею, что мол не видит в их неожиданном приезде великой беды.

– Ужас! Семь богатырей! Что же делать? Как нам быть? – иронично заметил Зяблик и фамильярно, как он себе не позволял даже со сверстниками, похлопал Кашея по плечу. – Главное не упырей, с теми сложно говорить.

Кашей приложил палец к губам, предлагая гостю помолчать, а сам еле слышно зашептал:

– Витязь, ты не веселись и прошу тебя, уймись. Больно весел, погляжу. Слухай, что тебе скажу, – озираясь то на окно, то на дверь, начал вводить Витязя Кашей в курс местных дел. – Эти семь богатырей, все они родные братья. Никого нет их сильнее. Справиться по силам с ратью, этим доблестным воям. Слыли доброю защитой, они чудным сим краям. А ещё и верной свитой, для Царевны молодой. Как сестру её любили, но, увы, не сохранили, уступили силе злой. Уж собрались хоронить, думали, что умерла, но такие вот дела, ветер им успел провыть, что уснула лишь она. И ещё поведал ветер: снимет чары с девы той, лишь один на целом свете, Королевич молодой. Поклялись семь братьев смелых, Королевича найти, чтоб его доставить к телу и Царевну тем спасти. Только истинный избранник, может гроб хрустальный вскрыть и уснувшую Царевну, поцелуем оживить. А с годами братьям стали, даже боги помогать, острый слух им щедро дали, взор орлиный, нюх звериный – Королевича искать. Слышат все аж за три мили, даже самый тихий звук. На мой глас они прибыли, веря Королевич тут. Вот возьмут тебя и силой, спровадят к горе крутой, в надежде, что ты деве милой, поцелуй подаришь свой.

Из этой тёмной истории Витя понял только то, что надо всего лишь поцеловать спящую Царевну. И что тут такого. Он же как-никак Витязь! Да и попытка, не пытка. Не получится, другого «Королевича» поедут искать ответственные господа богатыри. И чего было так нервничать. Ну, Кашей, ну, паникёр.

– Если это вся беда, я и сам пойду туда, – самонадеянно ответил Витя Кашею. – Нынче я обряжен знатно, «Королевич» хоть куда.

Кашей замотал головой, не желая слушать его «глупостей», и продолжил свою речь.

– Лучше уж будет обручиться с Шамаханскою царицей. Пусть она и «лунолика», «лунонога», «луноноса», и ещё слегка раскоса, хоть прожить с ней можно много. Здесь же будет краток путь, лишь Царевну поцелуй, не успеешь и вздохнуть, рухнешь мёртвым, обалдуй. Ты не вздумай и пытаться, «всяко, мол, ведь может статься», этот сладкий фрукт не твой. Витязь ты, твой путь иной.

Ах вот оно как! Это, конечно, уже другой разговор!

Теперь Витя, наконец понял, чего так распереживался Кашей. Бойтся, бессмертный, что его против воли, семь могучих богатырей могут пленить, чтобы проверить, не тот ли он Королевич, который им нужен.

Интересно, у них уже были претенденты на это почётное звание или местные боги остальных пока что миловали?

Витино раздумье прервал зычный голос с улицы.

– Хватит прятаться Кашей, оторвись-ка от харчей. Выйди к нам на чистый двор, есть серьёзный разговор.

Кашей умоляюще поглядел на облачённого в знатный наряд гостя и, покачав головой, шепнул:

– Витязь, на рожон не лезь. Сам я выйду, разберусь, обо всём договорюсь. Иль я не хозяин здесь?!

С этими словами Кашей выскользнул за дверь и плотно её затворил за собой.

– Гляньте кто – богатыри!!! Как я рад, чёрт побери! – раздался с улицы фальшиво-радостный голос Кашея. – Сколько зим и сколько лет! Глазам, не знаю верить, нет?! И Храбрец! И Удалец! Борец! Боец! Ба! И Стрелец! А возмужал то, как Юнец! И, конечно, самый главный, волк матёрый, тигр славный, «старый» Добрый Молодец! Нет, милей мне и родней... вас – Семи богатырей!

Зяблика, притаившегося за дверью, стал разбирать смех – ну и баламут этот Кашей. Небось, сейчас им наврёт с три короба и глазом не моргнёт.

Однако он слегка ошибался.

– Хватит в уши мёд нам лить, мы его привыкли пить, – раздался вновь тот же зычный голос, осмелюсь предположить, принадлежавший их «главному-славному» Доброму Молодцу. Только в этот раз в голосе сквозили угрожающие нотки. – Давай-ка перейдём к делам, у тебя тот, кто нужен нам. И не юли, Юнец слышал, что ты кого-то привечал и Королевичем назвал. Так просто звать бы ты не стал. Ты знаешь лучше нас, поди – «здесь лишнего не городи». В Краю Чудес есть свой закон, здесь имя ставится на кон. Имя должны мы оправдать и никого не называть, чужим, тем более своим, бо быть беде, тебе ль не знать.

Витя услышал как Кашей тяжело вздохнул. Видимо старику нечем было крыть эти доводы богатыря. Добрый Молодец же продолжал бросать в него вескими словами, словно тяжёлыми камнями.

– Иль Королевич у тебя гостит, иль в полоне он у тебя томится, – неважно, всё одно тебя простим, но с ним тебе придётся распроститься. Сам знаешь, дали мы себе зарок: найти того кто у Царевны сымет чары. И с той поры, мы весь сей долгий срок, в седле проводим, аки те хазары, – за стеной повисло тягучее, словно дёготь, молчание. Впрочем, недолгое – вскоре вновь забасил «зычный»:

– Я Королевича, учуял, рядом он. А где ж ещё он как не в тереме твоём. Мы люди чести, внутрь не войдём. Твой терем – крепость, таков закон. И ты, Кашей, сам все законы знаешь – назвал кого «горшком», будь добр «в печь». Отдашь – спокойно дальше поживаешь, иначе – голова шальная с плеч.

Вот оно как всё серьёзно обернулось. Однако суровые законы здесь. Не забалуешь у них. За каждое, неверно сказанное слово ответ держать надо. Вот вам и «Край Чудес».

За стеной послышался взволнованный голос Кашея:

– Каюсь, богатыри, нет мне прощенья. Не Королевич, у меня в гостях, другой. А это имя вырвалось от восхищенья. Его не выдам я, пожертвую собой.

А вот на этом месте их «переговоры» Вите совсем уже не понравились. Эдак они чёрт знает до чего «добеседуют». Зяблик уже догадался, что Кашей, случайно обозвавший его «Королевичем», решил всех собак повешать на себя. Ничего не поделаешь, придётся Витязю вмешиваться, а то гостеприимному хозяину туго придётся.

Зяблик распахнул дверь и, шурясь от яркого солнца, вышел на двор.

– Витязь и куда же мы спешим?! – с горечью процедил сквозь зубы Кашей, увидев, что гость опрометчиво покинул безопасное место. – В доме недоступен был ты им.

– Не привык я прятаться за старческой спиной, – как бы это не глупо и нетактично звучало, ответил Витя. – Пусть богатыри поговорят со мною.

Наконец его глаза привыкли к яркому свету и Витя рассмотрел непрощенных гостей.

Как и говорил Кашей, их было ровно семеро – ни больше, ни меньше. Богатыри сидели на огромных богатырских конях. Не уступая им в размерах, они походили на былинных великанов. К примеру, их ноги в стременах покачивались на уровне ошеломлённого Витино лица. Теперь, представляете их рост. И чтобы рассмотреть их целиком, от сапог до шлема, горе-Витязю пришлось задирать голову, хотя стояли они на некотором отдалении от Кашеевого терема.

Все Семь богатырей были облачены, как с недавних пор и Витя, в кольчуги, пусть не такие новые и богатые, как его, но с зазубринами и следами зарубок, которые говорили о том, что их хозяева не однажды вступали в битвы с недальновидными противниками. А ещё, в отличие от нашего героя, у каждого из богатырей свисали с поясов ножны, в которых покоились мечи с блестящими рукоятями, за седлом были приторочены щиты и колчаны с луками и стрелами, а у некоторых из-за спин виднелись топоры боевые топоров. В общем, выглядели они, мягко

говоря, впечатляюще. Правда, у них не было таких красивых плащей как у Зяблика, но им, кажись, было глубоко наплевать на этот недостаток в их богатырском снаряжении.

Да, как Витя тут же понял, им было плевать не только на «недостатки» в своей амуниции, но и на «достоинства» его.

– По одежде прям Царевич, от сапог и до ушей, – усмехнулся «зычный», а значит, тот самый Добрый Молодец, огромный русобородый дядька на вороном коне в запylённой военно-богатырской форме. – А для нас ты Королевич, как тебя назвал Кашей.

Отвечать на его поддевку Вите вовсе не хотелось. Он просто решил объяснить кто и почему.

– Нет я не Королевич, я другой. По воле рока оказался тут. Иду к Коту, узнать кто нынче я такой. Да, кстати, меня Витязем зовут.

Среди богатырей послышался ропот. Видимо они тоже были наслышаны о Витязе, и наверняка знали, что оному категорически нельзя препятствовать (хотя как и Витя, даже не представляли, почему нельзя), то есть они не могли вот так взять его силком и рисковать человеком по своему усмотрению.

Судя по приглушённым, но весьма эмоциональным репликам, богатыри не знали, как поступить. По местным своеобразным законам, они должны были либо использовать Витю-Витязя вместо Королевича, потому что, видите ли Кашей, не удержал язык за зубами, «восхитился» понимаете ли, назвав гостя чужим именем; либо сурово наказать Кашею за «длинный язык». Однако в присутствии Витязя, они не решались причинить вреда приютившему его старику.

Ситуация грозила выйти из-под контроля.

В воздухе запахло отнюдь не Кашевыми щами, а пока ещё неведомой, но приближающейся бедой. На безоблачном доселе небосклоне сгустились тучи. Сразу стало темно и неуютно. Раздались глухие раскаты грома. Витя был далеко не дурак и понял, что это по его душу непогодушка и, как-то сразу почувствовал и поверил в то, что здесь не соблюдение законов карается неминуемо. Причём в число пострадавших могут попасть все причастные и рядом стоящие.

На первый план, приняв нелёгкое решение, вышел Кашей.

– Эх! Раз пошла такая пляска, так на то она и сказка, чтоб другие могли жить, надо голову сложить, – обратился Кашей к богатырям и подмигнул мне. – Будет казнь мне упреком, за словами, чтоб следил, лишнего не городил, и всем вам пойдёт уроком.

– Нет, уважаемые, так не пойдёт, – поспешил Витя встать на защиту Кашею, которого в кои-то веки потянуло на благородство. – Пуцай Кашей себе живёт. Я с вами к Царевне отправлюсь, авось с злыми чарами справлюсь.

– Я сам всю «кашу заварил», мне и «хлебать» придётся, – настаивал на своём Кашей, выговаривая Витязю. – Твой путь иной, я говорил, тебе же всё неймётся. Забудь ты, Витязь, про «авось», чтоб горевать не привелось.

Главный богатырь с заслуженным богатырским прозвищем Добрый Молодец, выслушав все доводы сторон, тоже принял решение.

– Ну, в общем, так тому и быть, – медленно, взвешивая каждое слово, пробасил он, то и дело поглядывая на сумрачное небо. – Ты Витязь, отправляйся в путь. Кашею ж голову срубить, придётся нам, чтоб отвернуть беду от нас и от чудес, чтоб бытия смысл не исчез.

Ба! Как у них всё тут непросто!

– Храбрец, ты Витязя доставь, до перепутья трёх дорог, – указал Добрый Молодец, одному из своих младших братьев. – Чтоб ошибиться он не мог, на верный путь его направь.

Один из богатырей, кивнул Доброму Молодцу, тронул коня и, подъехал к Вите. Склоняясь с седла, он взял того под мышки, и легко подняв, как малого дитятку, посадил перед собой. Сам богатырь, несмотря и на Витин не такой уж маленький рост, нависал надо ним словно

закованная в сталь скала. Зяблик хотел было возмутиться такой фривольности по отношению к своей персоне (Витязь я, или так, случайный прохожий), но передумал – между ними всё уже было решено.

Кашей виновато улыбнулся Вите.

– Ты Витязь не переживай, бессмертный я, ты так и знай. Пусть неприятно, просто жуть, но не смертельно, как-нибудь опять себя переживу, и снова тихо заживу. Лишь будут сих мгновений тени, ко мне являться в сновиденья, и чаще приступы мигрени. Зато всё будет по закону, и снова всё пойдёт по кону.

Да, Витя не понаслышке знал как «неприятно», когда вечность затягивает тебя в воронку холодными лапами. И то, что Кашей утешал его, что он «бессмертный», ничуть не умаляло его храбрости не только в Витиных, но и в суровых глазах непреклонных богатырей. Видать и в самом деле, в создавшейся ситуации, другого выхода не было.

Храбрец развернул коня и повёз снаряжённого Витязя к перепутью трёх дорог, чтобы указать нужную. У Зяблика же, в душе тоже было «перепутье»: часть души рвалась назад, остановить казнь, пусть и бессмертного Кашея, другая половина убеждала следовать вперёд, в поисках истины и ответов на волнующие его вопросы.

Когда Витя с Храбрецом отъехали от заимки Кашея, раздался сильный гром, сверкнуло несколько ярких молний за их спинами и... тучи разошлись. Непогода уступила место яркому солнцу и Зяблик понял – казнь свершилась.

Тяжёлый вздох вырвался из Витиной груди.

– Витязь, не вини себя. Это не из-за тебя, – внезапно произнёс Храбрец, что Витя, задумавшись над «смыслом бытия», вздрогнул: его голос был не такой раскатистый как у Доброго Молодца, но тоже далеко не фальцет. – Кашей уже в который раз, казнить себя заставил нас. Ему, как видишь, не впервой, платить за промах головой.

И Храбрец поведал Зяблику историю местного долгожителя, точнее «многожителя» (в смысле господина с превеликим количеством жизней, суть бессмертного) Кашея. В целом грустная, местами забавная, история Кашеевой нелёгкой судьбы произвела на Витю неоднозначное впечатление. Как и в этот раз, старик зачастую совершенно случайно: из благих побуждений, по недомыслию или по забывчивости накликал беду на «Край Чудес», и потом сам же вызывался «смыть кровью» свой промах «во благо других» (которые, кстати, оказывались не в меньшей опасности из-за его, Кашея, ляпов). Бывало, что ему за один день, рубили голову по два раза. Но все эти, как он сам говорил «уроки» и «упрёки», ему практически не шли на пользу. То ли старость сказывалась, то ли врождённая безалаберность «бессмертного», но он с завидной периодичностью оказывался, как говорят простые смертные, у последней черты. Конечно, несмотря на своё особое, так сказать, привилегированное положение, он жутко переживал перед очередной казнью (наверное, в глубине души думал, бедолага, что вот она, последняя на его счёту жизнь), но с неизменным успехом он *переживал* очередную казнь, дабы в скором времени опять нарваться на неприятности. Одно имя, Кашей, что с него взять.

Видать поэтому Творец и оставил ему на сохранность доспехи, не без оснований надеясь, что этот гражданин при любом раскладе дождётся Витязя.

От рассказа Храбреца Вите сделалось немного легче на душе. Чувство вины, ну, как минимум, виноватости в сопричастности к казни, улетучилось. А тут они как раз подъехали к перепутью дорог.

– А вот и перекрёсток трёх дорог, – пробасил Храбрец, остановив коня на распутье и, видимо, решив дополнительно испытать Витязя, добавил. – Твой путь я знаю, но хочу, чтоб смог, ты сам избрать одну из трёх дорожку. Тебе по каждому пути я подскажу немного. Вот путь, что убегает вдаль налево: в конце пути ты встретишь Королеву и станешь с нею долго-долго править. Заманчиво – не буду я лукавить. Вот путь широкий повернул направо: там путника ждут почести и слава. Всю жизнь роскошь, нега и веселье, балы, красавицы, забавы

и безделье. А этот путь в ухабинах, прямой. Заросший весь колючею травой. Он лишь сулит его избравшему преграды и никакой в конце пути тебе награды. Так что, какой путь выберёте, Витязь? Всё взвесьте вы, только не торопитесь.

А что тут думать, и так всё ясно как божий день!

– Конечно же, я поспешу налево. Как можно разминуться с Королевой, – оглянувшись на богатыря, дал Витя тому свой «взвешенный» ответ. Увидев, как недоумённо вытянулось и так большое богатырское лицо, он поспешно добавил: – Шучу, шучу, по-моему, мне прямо. Мой путь не тот где власть, балы и дамы.

Богатырь Храбрец облегчённо выдохнул.

– Уф-ф, я уже подумал ты не Витязь...

– Но-но мой друг, – спародировал Витя басок Храбреца, – так думать постыдитесь.

Забавно, но Витя Зяблик, скромный и скованный в своём мире, здесь себя чувствовал вполне комфортно, что даже позволял себе запросто подшучивать над суровыми богатырями.

Несмотря на приличную высоту, Витя не стал дожидаться, когда Храбрец его вновь опустит на землю, как какого-нибудь малыша. Перекинув ногу через лошадиную холку и подхватив плащ, чтобы не зацепиться за луку седла, он на удивление ловко спрыгнул на землю. Поправив, немного сползший на лоб при прыжке шлем, Витя, задрав голову, отдал богатырю воинское приветствие.

– Храбрец, я рад знакомству был с тобой. Но этот путь, как понял я, лишь мой, – сказал Зяблик на прощанье богатырю. – Пока! И передай привет Кашею. Пусть реже подставляет свою шею.

На этом Витязь и богатырь распрощались и отправились каждый в свою сторону.

Богатырь поехал назад, к своим братьям, чтобы продолжить вместе с ними поиски доселе неуловимого Королевича.

Витя же пошёл по избранному «прямому» пути и эта заросшая тропа не вселяла в него особого оптимизма.

И действительно, предчувствие нашего героя не обмануло: чем дальше по тропе, тем тяжелей становилась дорога. Ну и путь он выбрал на свою голову. Понятно, что он был единственно верным, но он был и единственным непроходимым. Или почти непроходимым. Поначалу ещё ничего, заросли и бурелом, ерунда. А вот когда тропа завела Витю в узкий проход между серыми холодными скалами, тут он здорово взмок: приходилось, то, затаив дыхание, чтобы не застрять, протискиваться по проходу между скал, то, согнувшись в три погибели практически проползая под низкими сводами почти соприкасающихся утёсов, то перелезать через каменные завалы. Витя уже начал ловить себя на мысли о необходимости возвращения в поисках обходной дороги. Однако, «договариваясь» с самим собой «до следующего поворота», он продолжал свой «прямой» путь, щедро напичканный многочисленными поворотами, обвалами и провалами. Не стану лукавить, скажу честно, Витя так вымотался, что если бы сейчас какой-нибудь Леший вздумал его «оседлать», то Зяблик бы не то чтобы дать отпор, он бы наверное даже не смог дальше идти – просто упал бы под лесовиком как та старая загнанная кляча и всё на этом.

И всё же, несмотря на все тяготы пути, Зяблик-таки умудрился выкарабкаться из этого лабиринта. И так, знаете ли, внезапно всё вышло, что он чуть... не сорвался в пропасть.

Протиснувшись через последнюю гранитную преграду, Витя едва успел остановиться на маленьком гранитном выступе в центре скалы. Отпрянув к каменной стене, он перевёл дух и осмотрелся. Представшая его взору картина, впечатляла: до самого горизонта перед ним простиралось задумчивое синее море; свежий ветер играл его бурунами, которые словно седые вихри покрывали безбрежный морской простор. Беспечный морской ветер, этот верный пёс дремлющего исполина, словно почуяв присутствие человека, метнулся ему навстречу и, лизнув

влажным солёным языком, умчался назад к волнам. Море было везде. Лишь море и ветер. Впрочем, может быть я немного погорячился, описывая увиденное великолепии: под нашим героем, далеко внизу, изрезанной кромкой вдавался в водную стихию каменистый берег и... больше ничего.

Насмотревшись на созданный Творцом грандиозный пейзаж, Витя погрузился в невесёлые мысли. Получалось, что он забрёл не в ту сторону, то бишь выбрал не тот путь. Хотя Храбрец, которого отправил их старшой, должен был знать, куда ведёт эта дорога. Но, с другой стороны, откуда богатырям знать куда он, этот «прямой» путь, вёл. Они со своими богатырскими габаритами, скорее всего и половину пути бы не одолели, застряли бы ещё в самом начале её скалистого участка. А всё туда же, указывать. И что теперь делать? Возвращаться несолоно хлебавши? Уже силёнок не хватит. Допустим, спущусь здесь вниз, а куда дальше? И спросить не у кого.

Хотя, минуточку? Если это не чудится, вроде кто-то появился из-за дальнего скалистого выступа и направился по кромке берега в эту сторону, к луке. Приглядевшись и рассмотрев сгорбленную человеческую фигуру Витя уверился – и впрямь человек, не почудилось.

Оглядевшись по сторонам, он увидел сбоку выдолбленные в камнях углубления, по которым с минимальным риском можно было спуститься с террасы. Обмотав вокруг тела плащ, с которым то и дело забавлялся игривый ветерок, Витя зацепился за первую выемку и начал спуск. По сравнению с тем, что он преодолел несколько минут назад, этот спуск по отвесной скале можно было считать лёгкой прогулкой.

Совсем скоро Витины гудящие от усталости ноги коснулись ровной горизонтальной поверхности. В этом месте море практически подходило к скале. С гулом наваливаясь на каменистый берег, волны бились грудью о гранитную преграду и их брызги долетали до красных сапог Витязя, смывая с них дорожную пыль.

Человек, в свою очередь, заметив спустившегося со скалы Витю, остановился, не решаясь продолжить путь.

Зяблик сам пошёл к нему навстречу.

Подойдя ближе, он увидел, что это был изрядно потрёпанный временем и невзгодами старик. В прохудившемся сюртуке, залатанных штанах и сбитых лаптях, дед являл собой довольно жалкое зрелище. В руках он держал невод. При приближении Зяблика старик сорвал с головы латанную-перелатанную шапку и ещё сильнее ссутулился. Весь его облик, буквально зывал к жалости.

Своими повадками кого-то он сильно напоминал Вите. Интересно кого?!

– Здравствуйте долго! Видать в добрый час, я в этом месте наткнулся на вас, – приложил Зяблик руку к груди, приветствуя старика.

Тот почмокал губами, но ответить не решился.

– Мне показалось иль впрямь вы боитесь? – вновь попытался Витя разговорить кем-то или чем-то запуганного старца. – Я не причиню зла, меня кличут Витязь.

Услышав имя, которое Зяблику ненавязчиво «подсунул» Колдун, старик встрепенулся и вновь оглядел чужака. Видимо, удовлетворившись осмотром, он сделал шаг ему навстречу.

– Старче все меня зовут, – тихо сказал старик, Витя еле расслышал его слова за шумом волн. – Раньше я рыбачил тут.

Старик с грустью посмотрел на бушующую стихию и поделился своим наблюдением.

– Разволновалось нынче синее море, кому-то пучина предвещает горе.

Витя пропустил его замечание по поводу поведения морской пучины и задал более волнованный его вопрос.

– Старче я ишу Кота, только вот же маета, путь «прямой», что я прошёл, он меня сюда привёл. Подскажи, коль знаешь путь, в какую сторону свернуть?

Печально усмехнулся Старче словам объявившегося на берегу Витязя.

– Как и раньше был путь твой, так и ныне он «прямой». А Кота чтобы найти, надо по морю пройти. Остров там средь окияна, называется Буяном, и на нём, на скальном взморье, на чудесном Лукоморье, дуб-колдун с корою чёрной, там живёт наш Кот учёный.

Такого подвоха Витя совсем не ожидал. И как же, скажите на милость, ему по морю «пройти»? Опять за Колдуном возвращаться? Я вас умоляю!

– Витязь, ты уж меня извиняй, шёл с поклоном я к Рыбке Златой, – поклонился Старче Зяблику в пояс. – Вновь Старуха дала нагоняй, и отправила с новой бедой. Надоело ей быть Царицей великой, а хочет нынче быть Морскою Владыкой. Уж мне стыдно о сём чудо-Рыбку просить, а иначе ж седой головы не сносить. Прогнала Старуха меня взашей, а ведь я далеко не Кашей. Совсем Старуха от власти вздурилась, на неслыханную дерзость решилась. Прости, дальше мне идти пора, а то примчатся слуги со двора, опять бока мне «разомнут», чтоб не задерживался тут.

Старик, тягостно вздохнул, ожидая, что скажет Витязь. А что тот ему мог сказать? Он с детства всегда переживал за то что, такой работяга из-за своей «второй половинки» оставался у «разбитого корыта». Так что надо напомнить тому – мужик он или не мужик?!

У Вити в голове созрел только один ответ.

– Ступай себе Старче, тебя не держу. Лишь только тебе я вот что скажу. Ты честен и добр, но характером слабый, всю жизнь прозябал под лаптём своей бабы. И то, что желанья её исполняешь, признание Старухи ты не получаешь. Сегодня она превзошла и себя, на верную гибель отправив тебя. Неужто испросишь у Рыбки такое, хоть выпустил раньше свою рукою, её ты не ради корысти своей, теперь за других досаждаешь ты ей. Всю жизнь ты горбатился, невод таскал. Тебя же лишь ветер солёный ласкал. Старуха твоя, заслужила ль она, всё то, чем её наградил ты сполна. Ты лучше свои, Старче, вспомни мечты, с детства лелеял которые ты, и с ними ты к Рыбке Златой обратись, а там будь что будет. Дерзай! Не бойсь!

И что вы думаете?! Старик словно пробудился от кошмарного сна.

В его иссохших от горестей глазах плескались слёзы. Это означало, что Витины слова чудесным образом подействовали на него (а как они подействовали на некогда забитого неурядицами самого Зяблика).

Старик выронил невод из рук и, расправив согбенные плечи, с ненавистью посмотрел в ту сторону, откуда пришёл.

Долгие годы он боялся, что этот взгляд увидит его деспотичная Старуха. Увидит и всё поймёт. И он скрывал его. Скрывал, опуская перед ней взор. Скрывал, отводя глаза в сторону. Скрывал за неподдельным страхом.

Витина, не побоюсь этого слова, революционная речь вытеснила страх из тщедушной старческой груди.

Пытаясь скрыть предательски навернувшиеся слёзы, Старче опять поклонился Зяблику. Развернувшись, старик пошёл к морю. Кряхтя, взобрался на мокрый камень, о который разбивалось почерневшее море, и стал выкрикивать Златую Рыбку.

– Эге-гей! Где ты, Рыбка Златая, там резвишься на водном просторе?! – окрепший голос старика силился перекрыть шум прибоя. – Умоляю могучее море, донеси, что я к ней здесь взываю.

Море тотчас зашипело, запенилось и... замерло, прекратив волнение. Волны, до этого с остервенением бившиеся о камни, застыли, словно студень. На гребень одной из замерших волн, на блестящих плавниках, как на коньках, вынырнула Золотая Рыбка.

– Что ещё тебе надобно, Старче? Вновь Старухин каприз, не иначе? – в её тоне сквозила неприкрытая ирония. – Быть Царицею вольной устала? В этот раз, что она возжелала?

Старик не стал отводить, как бывало прежде, глаза под насмешливо-упрекающим взглядом Золотой Рыбки.

– Смилуйся, государыня Рыбка! Да не злись на меня уж ты шибко. Так и было: Старуха послала, с новой просьбой, совсем уж достала, – не таясь, всё как есть выложил Рыбке Старче. – Но к тебе я пришёл не с капризом, а со своею мечтой сокровенной, что лелеял с рожденья, наверно. Хоть на старость лет пусть будет призом. За все годы томленья у моря, рядом с вечно ворчливой Старухой, сердце чьё к чувствам радостным глухо, от кого натерпелся я горя. Жил в нужде и в труде, словно пчёлка, и не ведал судьбы я другой. Не ленился, пахал, да что толку: не простился едва с головой. Не хочу больше быть вечно битым, лучше вольным погибнуть, чем жить, рядом с нею холопом забитым, надоело Старухе служить. Я прошу тебя, Рыбка Златая, и не в плату прошу, а как друга, всей душой об одном лишь мечтаю – выйти в море на парусном струге.

Старче замолк, с затаённой надеждой взирая на Златую Рыбку.

Рыбка долго смотрела на Старче, словно увидела перед собой совсем другого человека. Ирония в её взгляде сменилась интересом и уважением к человеку, на склоне лет победившего-таки в себе, без преувеличения, раба.

Наконец она шевельнула шлейфом-хвостом и заговорила:

– Слушать речи твои мне приятно и мечта рыбака мне понятна. Тяжко жизнь прожить всю у моря, и ни разу на чудном просторе, не пройти под парусом белым, с морем синим отчаянно споря. Так что Старче, мой друг, не печалься и ступай себе с богом к причалу, что забытым тобою остался, у избы... возвращайся к началу.

Сказала Рыбка и была такова.

Только она исчезла, как вновь забушевало, до сих пор сдерживаемое неведомой силой, море-окиян. Старика окатило волной с ног до головы, но он даже не поёжился. Он стоял на скале, расправив свои худые острые плечи и смотрел вслед уплывшей Рыбке.

Он даже не успел её поблагодарить.

Старик понял, что это была их последняя встреча и он больше никогда её не увидит. А если и увидит, то только как друга и никогда больше он ни о чём её не попросит, даже под страхом лютой смерти.

Покачав уныло головой, Старче вернулся к скале, у которой его ожидал Витязь – умудрённый несколькими часами, проведёнными в их мире, Витя Зяблик.

– Старче, дружище, я искренне рад, что ты не вернешься к Старухе назад, – похвалил старого рыбака Витя. – Лелеял мечту свою ты уйму лет, и вознаграждён, к ней преград больше нет.

– Судьбе благодарен за встречу с тобой, – ответил Старче. – Меня ты подвиг, Витязь, выйти на бой, со страхом своим, перед всеми и вся, и взять у судьбы что-то и для себя. За то, что ты дал мне добрый совет, который пролил на мою жизнь свет, тебе я ответным добром отплачу, на струге к Буяну тебя прокачу. Под парусом белым, на быстрой ладье, отправимся смело с тобой по воде. Гой, Витязь, пойдём же со мною скорей, к забытой избёнке убогой моей, на берегу причал там ветшает, мой друг, там знать поджидает нас парусный струг.

Да, это был уже не тот старик, с которым Витя познакомился совсем недавно. Его, доселе тусклые глаза, засверкали как самоцветы в лучах заката, движения обрели былую упругость, голос заметно окреп. Он словно выпил колдовского молодильного зелья. А ещё Вите показалось, по тому нетерпению, с каким Старче поторапливал его, что в рыбаке проснулась давно позабытая им мальчишеская тяга к приключениям.

Витя не раздумывая согласился с его предложением. Всё равно других более менее подходящих вариантов достичь желанного острова у него в наличии не имелось.

Старче обрадовался возможности быть полезным и повёл Витязя по кромке берега к причалу своей юности.

Идти пришлось недолго. Обойдя очередной утёс, Витя увидел жилище рыбака. Избушка, больше похожая на большую собачью будку, будто укрываясь от игривого ветра, прижималась

к подножию зелёного холма. Рядом с ней торчало несколько чахлах деревцев, а чуть в стороне лежало легендарное треснувшее корыто.

Этот открытие навело Зяблика на одну интересную мысль. Выходит что...

– Вот моя избушка, дряхлая старушка, – сломал логический строй его мыслей Старче. В его голосе сквозили нотки светлой грусти и нежности к этому убогому жилью. Старик подошёл к корыту, присел и, проведя рукой по шершавому дереву, вздохнул. – Разбитое корыто, хозяйкою забыто.

Решив, что сейчас Старче продолжит вечер воспоминаний обходом всех чахлах кустиков и другой домашней утвари, Витя поспешил напомнить ему о цели их визита сюда.

– Старче, где же твой причал, я его не повстречал.

Старик хлопнул себя по лбу.

– Ну и память, просто смех, позабыл я как на грех, с чем спешили мы сюда, – Старче пожал плечами, дескать, что с него, старика, взять. – Через холм за мной айда.

Спохватившись, Старче стал карабкаться вверх по холму. Зяблику ничего не оставалось, как последовать за ним.

Холм был относительно невысоким, поэтому сильно запыхаться Витя не успел. Хватаясь за траву, он преодолел последний крутой участок холма и выбрался на вершину холма. Старче, добравшийся до вершины первым, стоял, вытирая рукавом увлажнившиеся глаза. Ресничка, видать, попала.

– Глянь-ка, Витязь, вон причал, подле то, о чём мечтал, слёзы сами льются, друг, вот он мой желанный струг.

Понятно, какая «ресничка» – Старче опять не смог сдержать нахлынувших эмоций. Мог бы не объяснять. Всё ещё глубоко сентиментальный Витя сам был готов всплакнуть от радости за старика.

– Эге-гей! Аля-улю! Попадись мне, удавлю! – вдруг раздался злобный крик со стороны избёнки.

Это что ещё за шпана там ругается?!

Зяблик со стариком оглянулись на хижину. Возле брошенного жилья суежилась крупная, дородная старуха в грязных лохмотьях. Её седые волосы, разметавшиеся на ветру, издали были похожи на змеиную «прическу» Горгоны.

Да, нешуточная женщина!

Как вы поняли, Витя и сам догадался, кем была эта злобная «Горгона», но побледневший старик, всё же счёл необходимым уточнить:

– Экая непраха, то ведь моя Старуха!

– Так что мы ждём, пора нам в путь! – не стал ёжится как прежде, а лишь подмигнул Витя растерянному Старче, утратившему и так зыбкое самообладание. – Надеюсь, сможем улизнуть!

Старик в нерешительности замер – эдакий кролик пред удавом. Один вид харизматичной Старухи вызывал у него ступор?! Теперь Витя окончательно понял, каких сил ему стоило пойти против воли своей второй и стоит заметить довольно крупной половины.

– Ах, вот ты где пенёк трухлявый! Иди сюда! – заорала Старуха, увидев беглецов на горе. – Лишилась злата, власти, славы, я навсегда! – видя, что Старче не собирается спускаться, Старуха, с лёгкостью подхватив корыто и сама полезла на холм, громко причитая: – Его жалела, ведь не убила, хотя могла. Уже давно бы его могила, мхом поросла.

Старче тряхнул головой, отгоняя наваждение и... ступор.

– Мой милый друг, чего мы ждём, беда ползёт! – округлив от тихого ужаса глаза, воскликнул старик. – Внизу наш струг, мы поплывём, нас море ждёт.

Старик бросил прощальный взгляд на избушку, на карабкавшуюся вверх, могучую старушку и со всей мочи (и куда только неспособность его подевалась) припустил к причалу. Зяблик, хоть и зная о том что он Витязь, то бишь личность здесь, как он не без оснований полагал

– неприкосновенная, тоже не стал дожидаться воинственной Старухи (чего доброго, зашибёт в порыве ярости, не разбираясь, кто это такой красивый, откуда и куда), а поспешил ретироваться за удалявшимся стариком.

Практически в мгновение ока (ну максимум, в два мгновения) Витязь и престарелый «повстанец» оказались у причала и даже не проверяя прочности, зашли на его шаткий настил. Осторожно ступая по трухлявым доскам, они добрались до борта ладьи и перелезли на судно. Старик первым делом бросился поднимать парус. Витя же, отвязав конец каната, добрался до кормы и, встав у руля, посмотрел назад. Старуха, довольно шустро осилившая крутой подъём, продолжая громко ругаться, стремительно спускалась к берегу.

Да, мысленно отметил Витя, на глазок рассчитав скорость её передвижения, по суше старик от неё бы далеко не ушёл, и сейчас не факт, что успеем оторваться.

Но, слава богу, парус поднялся и наполнился беззаботным ветром, соскучившимся по любимой забаве. Ладья, разбивая носом волны, отошла от причала.

Когда Старуха доковыляла до причала, беглецы, отойдя от берега на приличное расстояние, уже были в недосягаемости. Поняв, что её Старче на этот раз улизнул-таки, Старуха в сердцах бросила корыто и, сложив руки рупором, с горечью прокричала:

– На кого ты меня, Старче, оставил?! Сердце кровью облиться заставил. И теперь моё сердце разбито, как старинное это корыто. Сколько лет мы прожили с тобою, ведь любила по-своему я, – прижала она сильные руки к полной груди, – при живом муже быть мне вдовою, знать тяжёлая доля моя.

Старик, собрался ей что-то крикнуть, но покосился на своего спутника и передумал. Знамо чего не стал – постеснялся.

Эх, Старче, мысленно ухмыльнулся Витя, что-то мне подсказывает, что ты ещё вернёшься сюда и, будем надеяться, вернёшься уже другим человеком. А вот вернусь ли я когда-нибудь домой, ржавыми вилами по воде писано.

Быстроходная ладья тем временем вышла из залива в открытое море и, подгоняемая попутным ветерком, заскользила по пенящимся волнам навстречу могучей стихии.

На удаляющемся берегу ещё долго маячила внушительная фигура Старухи.

Старче, ещё раз быстрым мельком оглянулся на теперь уже далёкий берег и, сменив Витю у руля, твёрдой мозолистой рукой взял курс на Буян (по крайней мере, Витя очень надеялся, что это было именно так).

Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет...

Неизвестно, далеко ли, близко ли, долго ли, коротко ли, шли они под парусом, рассекая водную гладь бирюзового моря-окияна. Витя как сугубо сухопутный человек, расстояние здесь определить даже не пытался из-за отсутствия хоть каких-то расчётных вещей (вода кругом, куда хватает зоркости глаз). Да и время здесь текло иначе, волнообразно (или это от качки ему так казалось) поэтому даже примерно определить, сколько уже их кораблик отмотал морских миль с начала водного путешествия, ему не представлялось возможным.

Старче, стоявший у руля, озабоченно оглядывался по сторонам, предположив, что они ненароком проскочили мимо острова, пройдя стороной. По одному ему понятным подсчётам выходило, что остров Буян уже давно должен был попасться навстречу или, как минимум, появиться с какого-либо борта в пределах прямой видимости. С учётом того, что опыта вождения судов даже такого мизерного водоизмещения у Старче ещё толком не было, да чего уж там лукавить – вообще не было – его волнение не замедлило передаться и Вите вместе с первыми симптомами морской болезни. Не хватало ещё заплутать в безбрежном море практически без харчей (узелок Кашея был далеко не вместительным) и запаса пресной воды.

К Витиному вящему удовольствию (а как Старче обрадовался, вы бы видели) они всё же не промахнулись. На горизонте появилась тёмная точка, которая всё разрасталась, увели-

чивалась в размерах, медленно превращаясь в зелёный остров, с пологими галечно-песчаными берегами.

– Ай да я и капитан! – похвалил себя Старче, пританцовывая от радости. – Вот он, славный наш Буян, – старик ткнул пальцем на выдающийся в море мысок, – А вон лука взрезает сине море, дубок-колдун раскидистый на ней, вот это Витязь место – Лукоморье, там Кот – хранитель золотых цепей.

Дуб и впрямь был великолепен, в своём величии. Могучий и незыблемый, он раскинул кудрявые ветви во все стороны, покрывая своей тенью почти весь каменистый мысок. Единственное, что Зяблику показалось неуместным, так это жгуче-золотистый цвет дубовых листьев. Судя по всему, здесь было лето в самом разгаре, а необыкновенное дерево уже переоделось в осенний наряд. Непорядок!

Почти подойдя к берегу, Старче спустил парус, чтобы сбавить ход судна и ладья, пропахав днищем песчаное дно у побережья, остановилась.

– Иди же Витязь, не робей, – промолвил Старче, вытирая пот со лба. – Я слышал, Кот ждал много дней. Лишь он и ведаёт из нас, о чём грустил и мыслил Ас.

Очарованный немудреной красотой Лукоморья, Витя прыгнул на песок и направился к раскидистому дереву. В это трудно поверить! Наконец-то он добрался до того, кто сможет пролить свет на многие вопросы, роившиеся в голове под шишаком.

Вблизи дуб и вовсе поражаёл своей дремлющей нерушимой мощью. Ствол дерева был в несколько охватов. Могучие корни были под стать кудрявой кроне, их «щупальца» выныривали из земли тут и там, как спины огромных змей, переплетаясь и вздыбливая почву. Такой исполин, словно былинный богатырь, был неподвластен времени. Опять же если бы не одно но...

Земля под деревом была усыпана ковром опавших листьев. Могучее дерево не по сезону сбрасывало листву!

Отметив этот факт, Витя обошёл вокруг дуба и увидел *его*.

Чёрный как уголь, без единого светлого пятнышка Кот, дремал, развалившись на нижнем суку.

С очередным шагом, Витя наступил на сухую веточку. От тихого треска Кот повёл ушами и открыл глаза. Увидев облачённого в доспехи человека, Кот потянулся, выгнув спину, и присел на задние лапы.

– Добрался, Витязь, в наш предел?! – улыбнулся Кот, оскалив острые зубы. – Давно узреть тебя хотел. Что хочешь ты спросить, я знаю. Твоё волнение понимаю. Вопросов у тебя не счесть и главный – почему ты здесь. Я расскажу тебе, что знаю, как на духу всё, не скрывая, а ты уж не перебивай, моим речам мой друг внимай.

Витя хоть и стоял с раскрытым ртом, всё же удосужился кивнуть, дескать, как пожелаете господин учёный Кот, я как раз для того сюда и пришёл, чтобы всё узнать.

– Ну, вот и славно, Витязь, ведай, – продолжил Кот. – Творцы свои миры творят: одни как мёртвые кометы, другие звёздами горят. И лишь немногим удаётся, создать живой страну чудес, где льётся сказ, и песнь поётся, видений чудных полон лес. Наш мир таков, в нём дива много, ты убедился в этом сам. Мир чудачков, смешных и строгих, влюблённых в наши чудеса. А почему? – вопрос витает под шлемом кованным твоим. Отвечу. Люди нас читают, смеются, плачут, верят, знают, они наш славный мир питают, живых сердец теплом своим. Пока живёт наш мир чудесный, как памятник Творцу прелестный, мир Яви, где наш Ас творил, не будет станом тёмных сил.

Кот задумчиво посмотрел на синее море, затем перевёл взгляд на Витязя. Прочитав в его взгляде пока что относительное понимание, он продолжил просвещать того насчёт всего, с чем Зяблику пришлось столкнуться.

– Ведь, что такое золотые цепи, то цепь преданий с самых древних пор, тех, что хранят луга, леса и степи, и реки, что текут с высоких гор. Был Асу передан наказ от древних предков:

народных сказок – самоцветов редких, взяв горсть, своим их даром огранить, взрастить, взлелеять край чудес и сохранить. Он выполнил наказ, создав творенья, в которые вдохнул жизнь добрый люд, где нынче его детища живут, всё также вдохновляя поколения. Да ты и сам узнал сей мир чудесный, куда ты в своих грёзах прилетал. Он для тебя как весточка из детства, кого ты видел здесь, всех раньше знал. Теперь лишь на тебя мы уповаем. Наш символ вечной жизни – древний Дуб, – хворает, погибает – я не знаю. Учёный я, но как дендролог «дуб», – шепнул Кот, чтобы мудрое дерево ненароком не «услышало» его сравнение, – Ты уж за нашу хитрость нам ответь добром. Ты сможешь свои знания применить, наше святое древо исцелить! А мы с наградой в твой мир тебя вернём!

Кот замолк.

Его рассказ был краток, но весьма ёмок.

Теперь всё, или практически всё встало на свои места. Витя хотел уже расстроиться: он нужен был местным всего лишь как обычный ботаник. Хотя, нет! Почему это «всего лишь» и «обычный ботаник». Он ведь и впрямь им был очень нужен. Нужны его ботанические знания! Его помощь! Ни могучие богатыри, ни маги-колдуны, ни ушлый Леший, ни даже этот, по всему и впрямь учёный Кот не смогли разобраться и справиться с недугом чудесного древа. Вот и обратились они к нему. Чтобы он, Витя Зяблик, помог их чудному миру отыскать причину и исцелить великий Дуб. Конечно, это честь но... но у Вити было ещё несколько «квадратных» вопросов.

– В принципе мне всё понятно, вот только объясните внятно, а как вам удалось в наш мир проникнуть? – поинтересовался Витя-Витязь. – И кто Драцену выставил на лёд? И как письмо додумались подкинуть? И кто вообще меня там утащил под лёд? И вот ещё, а почему же я? Ведь есть ботаники-профессора! У них и опыта по больше, их вам надо. А не меня обычного юнната.

Кот лукаво улыбнулся, огляделся по сторонам и проникновенно зашептал:

– Каюсь, это была моя комбинация. Подстроить так, чтобы тебя незаметно вытянуть в наш мир, – кот заговорил даже без намёка на рифму, отчего его слова прямо-таки резанули Витю по ушам, уже привыкшему слышать и разговаривать здесь в поэтической форме. – Тебе необходимо было оказаться в нужном месте в нужное время, да ещё прочитать необходимое заклинание.

– Стоп! Вы не рифмуете слова или мне это показалось? В чём дело? – потребовал Витя объяснений, к своей радости тоже заговорив без рифм.

– Ну, вообще-то в нашем чудесном мире иначе нельзя, разговаривать, – пояснил Кот. – Но мне как лицу уполномоченному в некоторых случаях можно. Например сейчас. Тут рифмой долго объяснять придётся, и ещё не факт что ты, Витязь, уловишь суть.

– Хорошо. Уже, знаете ли интереснее. Ну-с, слушаю дальше!

– А на счёт ботаников профессоров и доцентов, я так тебе скажу: у нас, как ты наверное уже догадался есть свои незыблемые законы. И один из них – попасть к нам может только определённый круг лиц, и из этого круга больше всего подходил для решения нашей проблемы именно ты. Вот так! Взрослым сюда путь, увы, заказан.

– Понятно!

– Это хорошо, что понятно. Теперь по поводу прохода. Между нашими мирами имеется несколько проходов-переходов, но такой, в который ты мог бы поместиться есть только один.

– Это тот самый старый пруд в Ботаническом саду?!

– Верно, он самый! Я взял на себя смелость последить за тобой и выяснил, что ты там частенько гуляешь. Теперь надо было тебя заманить на лёд. А ради чего мог, рискуя жизнью, такой человек как ты выйти на лёд?

– Ловко придумано, ничего не скажешь? – оценил Витя коварство Кота. – Но зачем надо было вытаскивать из оранжереи и уничтожать такой прелестный цветок?

– А никто никого не вытаскивал и не уничтожал! – осклабился Кот. – Цветок за которым ты полез на лёд в вашем мире как называется?

– «Драцена Фрагранс»!

– Или...

– «Самка дракона»!

– Вот ты и сам ответил на свой вопрос, – многозначительно усмехнулся Кот, лизнул лапку и провёл ей по своим длинным усищам.

– То есть, вы хотите сказать, что в качестве приманки выступила обращённая самка дракона? – пробормотал шокированный Витя, его даже передёрнуло от мысли о том, что он мог там в качестве цветка схватить живого дракона-оборотня за хвост. – Не может быть!

– Поверь мне, может! И ещё как может! – промурлыкал Кот. – Она, кстати, уже здесь!

Кот показал глазами на ещё густую гриву дуба шелестевшую над их головами, с которой то и дело срывались тяжёлые жёлтые листья. Витя взгляделся в листву, но ничего не увидел.

– Фраги, дорогая, спустись к нам! – крикнул Кот. – Познакомься с человеком, который рискуя жизнью пытался тебя «спасти» в своём далеко не отзывчивом мире.

Что-то золотистое с белыми полосками мелькнуло среди ветвей дуба, или у Вити просто в глазах зарыбило и... всё на этом. Дракон не появился.

– Дикая девчонка! – махнул лапкой Кот. – Застенчивая как все девки! Приблудная она. Видимо играя проникла из другого мира, а дорогу назад не запомнила. Юна. Глупа. Судя по чешуйкам, только недавно первое столетие отметила. Ну, ничего страшного, немножко понаблюдает со стороны, попривыкнет к тебе, спустится, тогда и познакомится.

Витя особо не огорчился неудавшемуся знакомству с живым, пускай ещё и «молоденьким» дракончиком, вернее драконихой – побаивался немного, однако здоровое любопытство на другой чашке его внутренних весов, заставило всё же немного огорчиться.

– А-а, случайно это не её какая-нибудь «лох-несская» родственница меня под воду утащила? – вспомнил самый жуткий эпизод своего «похищения» Витя и даже внутренне содрогнулся. – Что-то же меня утащило, верно ведь?

Кот расплылся в хитрой улыбке, достойной легендарного Чеширского кота.

– О, нет! Драконы не любят водных процедур. Хотя, мне действительно пришлось подстраховаться при проведении операции, – почесал за ухом Кот, уточняя подробности. – Это на тот случай, если ты вдруг не пойдёшь на дно топором, а как любой адекватный человек, попробуешь выбраться из нашей ловушки. Поэтому мне пришлось отправить на подстраховку нашего заслуженного подводника Дядьку Черномора. Это благодаря ему, вовремя подоспевшему в последний момент, ты оказался в гостях у нас. Другого шанса нам могло и не представиться.

Витя опять подивился находчивости Кота.

– А письмо кто подкинул? Кто-то из тридцати трёх богатырей? – поинтересовался Витя почти без иронии, после всего здесь увиденного и услышанного он уже готов был поверить во что угодно.

– Нет! Письмо с заклинанием, это моих рук... пардон, лап, дело, – признался Кот, что был не только организатором операции и её идейным вдохновителем, но и одним из активных исполнителей. – И писал, и запечатывал и доставлял конверт, во избежание недоразумений, лично я. Ибо без магического заклинания, произнесённого обычным человеком, перед прохождением между мирами, его бы попросту вывернуло наизнанку. А от такого «вывернутого», сам понимаешь, проку нет.

Витя ещё как понимал, он только представил, что могло бы с ним случиться если бы он не дочитал до «точки» и его чуть не вырвало от нарисованной в воображении картины.

– Кстати, это, мягко говоря, заклинание было больше похоже на бред сумасшедшего поэта, – высказал свою точку зрения по этому поводу Витя. – Я там толком ничего не понял.

– Так и должно быть! – абсолютно не обиделся Кот на замечание Витязя. – Истинное заклинание воздействует не на сознание, а на подсознание, готовя человека к головокружительному переходу. А именно твое заклинание было не совсем лишено внешнего, так сказать, видимого смысла, хотя это, как я уже отмечал, вовсе не обязательно. Ты практически повоторил мантру перехода. То есть сам себе сказал, что в нужное время и в нужный час, ты пройдёшь за «цветочком» через все три физических состояния воды: испарение-туман, твёрдый-лёд и непосредственно жидкость. Ну и так далее. Как говорится: бла-бла-бла.

– Понятно! – вздохнул Витя. – А куда подевалась с меня одежда? Только не говорите, что это меня Черномор под водой разоблачил!

– Не переживай! – фыркнул Кот. – Никто тебя не раздевал. Просто переход может осуществить только живое существо. Всё ему сопутствующее: одежда, обувь, аксессуары и другие личные вещи проносить запрещается.

– У вас что здесь и таможня есть?! – хмыкнул Витя.

– Ха-ха! Смешно! – оценил шутку Кот и, потягиваясь, выгнул спину. – Никакой таможни, конечно же нет. Есть определённые законы, несоблюдение которых может навлечь беду на любой из миров. Поэтому во избежание негативных последствий на вещи наложен мораторий с самого верха, – Кот заговорщицки подмигнул и показал глазами на лазурное небо, – чтобы от нас к вам не попали магические штучки, от вас к нам утюги и пылесосы не «засосало» случайно. Так что письмо я «царапал» у вас. В общем в этом плане везде всё схвачено!

Витя удовлетворился ответами Кота. Теперь настало время учёному зверю напомнить о причине всех происшедших событий.

– Так что Витязь, берёшься за дело государственной важности?

Витя ещё раз оглядел могучее исполинское дерево, которому требовалась помощь специалиста и его доброе сердце дрогнуло.

– Ну я, конечно, посмотрю, что можно предпринять, – кивнул он. – Только я ничего не обещаю...

– Правильно! – обрадовался Кот тому что уговорил Витязя взяться за это дело. – Обещать никогда не надо, надо молча делать всё что в твоих сил...

Витя осуждающе посмотрел на Кота и тот виновато осёкся на полуслове

– У меня нет ни инструментов, ни реактивов, чтобы провести тщательный анализ почвы и самого дерева, и ряд других необходимых исследований, проверить наличие и качественное состояние органических и минеральных веществ, необходимых для образования той же ризосферы, – продолжил Зяблик после небольшой заминки, озвучивать то, что «нахватался» в кружке юных натуралистов. – Но если провести параллель этого величественного гиганта с нашими его «родственниками», тем же дубом скальным, то уже по чисто внешним признакам, – Витя поднял и осмотрел несколько опавших листьев и провёл пальцами по шершавой коре дерева, – я могу сказать, что древесина дуба имеет более высокую корреляционную связь не с гидротермическим коэффициентом метеофакторов, а с чем-то другим. Конечно я бы не стал отбрасывать и влияние солнечной активности в периоды с наибольшей амплитудой колебания чисел Вольфа для средних расчётных циклов. Однако по всей видимости причину депигментации и депрессии данного образца, прошу прощения, данного могучего дерева, необходимо искать в вегетативно-корневой системе, что в данном случае не представляется возможным.

– Ась? – озадаченно переспросил учёный Кот, у которого оказывается был бо-о-ольшущий пробел в знаниях по дендрологии. – Витязь, а можно не по-научному, а простыми словами? В чём завыка?

Наконец-то Витя мог посмотреть на обладавшего широким кругозором Кота с некоторым чувством превосходства. И он не преминул именно так и поступить.

– Я говорю, – издевательски медленно, практически по слогам произнёс Витя. – Что в первую очередь необходимо было бы обратить внимание на корни дерева и изучить их состояние. Но из-за того, что Дуб произрастает на скальной плите и его корни, которые у подобных экземпляров достигают нескольких десятков, а то и сотен, метров, уходят глубоко в скалу, тут понадобится либо бригада шахтёров с отбойными молотками, либо взвод сапёров со взрывчаткой, чтобы добраться до заглубленных корней дерева. А это, как вы сами сказали, невозможно. Так что вся ваша задумка коту под хвост, – Кот выразительно посмотрел на Зяблика и тот поспешил внести поправку, – то есть, псу.

Услышав какая «неразрешимая» проблема встала перед Витязем, Кот облегчённо вздохнул.

– Если дело только за этим, то не изволь беспокоиться, – поспешил «обрадовать» Витю Кот. – Если нужно добраться до корней, то это проще простого. Ты можешь спуститься к ним через дупло.

Кот провёл лапкой по усам, расправляя их и кивнул на ствол дерева, туда где зиял тёмный проём таинственного дупла.

– Э-э, нет! – запротестовал Витя, сообразив на что его подбивает хитрый Кот. – Я туда не полезу! Я юннат, а не спелеолог. Тем более, что дерево ваше, как и весь ваш мир, чудесное. Там тоже, наверняка не всё так просто. Ещё какая-нибудь белка там мне не только «орешки», но и голову отгрызёт. Так что, извините и... увольте. Только не туда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.